

Филология
и Лингвистика
международный научный журнал

международный научный журнал

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 1 (13) / 2020

Издается с июля 2015 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Borshchevsky I.

The Problem of Rendering Biblical Theonyms into the Tatar Language 1

Щуков Д. А.

Человек и дьявол в повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота»: бытие в унисон 23

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сергеева А. А.

Слияние готического и детективного мотивов в новелле М. Р. Джеймса «Два доктора» 29

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Замышляева Д. Н.

Компаративный анализ средств выражения отказа в русском и английском языках (на материале современной прозы).... 36

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Мариева Е. А.

«ВКонтакте» vs YouTube. Особенности социальных медиа 40

Семенова А. И.

К вопросу о языковой специфике периодических изданий по фармации 43

“Tatar” referred to Turkmens, Kyrgyz, Turks, Crimean Tatars, Kumyks, Karachays and Balkars, Azeri, and so on. [6] The modern Tatar language, a northwestern (Kipchak) ky of the Turkic subfamily of Altaic languages, is spoken in the republic of Tatarstan in west-central Russia and in Romania, Bulgaria, Turkey, and China.¹

The aim of the article is not to discuss the genealogical relations between the above languages but rather to analyze approaches to rendering Biblical theonyms, including the Tetragrammaton, applied by translators of the Holy Scriptures into these tongues.

The problem of translation of God’s names into Turkic languages was discussed by several authors [12–14]. In this article we will categorize all approaches to rendering the sacred Tetragrammaton, YHWH, a four-letter name of God, found in the Hebrew text of the Bible, which is usually pronounced as Yahweh or Jehovah in English. These approaches include non-translation, semantic translation, transliteration and transcription. [15]

A brief review of the history of the Bible translation into the Tatar language

It is difficult to establish the date of first translation of a biblical text into a Turkic language. One of the earliest biblical paraphrases can be found in a 10th century Turkic book *İrq bitig* (“The Book of Omens”). It is believed that one of its “revelations” reflects the Parable of the Prodigal Son (Luke 15:11–32):

oo oo ooo 58. oghl ögintä k(a)ñinta öbk(ä)läp(ä)n t(ä)z(i)p(ä)n b(a)rmiş. y(a)na s(a)kınmış, k(ä)lm(i)ş. ögüm ötin (a)l(a)yın, k(a)ñ(i)m s(a)bın tıñl(a)yın’ tip k(ä)lmiş tir. (a)nça bilinl(ä)r: (ä)dgü ol. (A son, being angry with his mother (and) father, ran away (from home). (Later) he thought it over (and) came back. He came back saying ‘I will accept my mother’s advice (and) listen to my father’s words’, it says. Know thus: (The omen) is good.) [8]

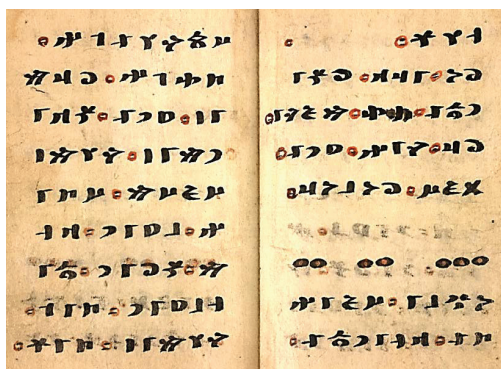

Figure 1. The beginning of Omen 58. [8]

¹ To compare the text of Psalm 91 in several ancient and modern “Tatar” languages, see Appendix B.

Another Turkic translation of a biblical story (“Adoration of the Magi”) based on Luke, chapter 2, dates back to the 13th century. [9]

Codex Cumanicus is another document containing portions of the Bible translated into the Cuman language [3]. It was compiled by Catholic missionaries and its main purpose was to teach missionaries the Kipchak language and convert the population of the Golden Horde to Christianity. It contains portions from the Holy Scriptures, sermons, songs, and Persian and Tatar dictionaries.

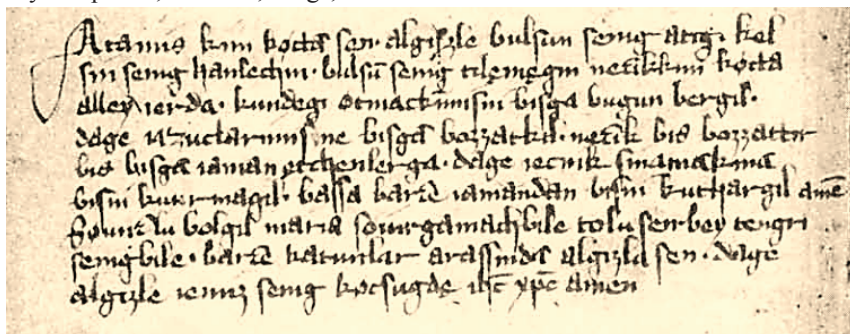

Figure 2. Lord's prayer from *Codex Cumanicus*. Atamiz, kim köktäsen, alyışli bolsun senij atij! Kelsin senij ǵanlǵij, bolsun senij tilemegij nečik kim köktä, alley yerdä! Kündegi ötmäkimizni bizgä bügün bergil! Dayı yazuqlarmizni bizgä boşatqıl, nečik biz boşatırbiz bizgä yaman etkenlergä. Dayı yekniñ sinamaqına bizni küvürmägil, basa barča yamandan bizni qutǵarıyıl! Amen! [10]

“Tatar” translations of the Lord's prayer was published in medieval polyglottas. (See Fig. 3).

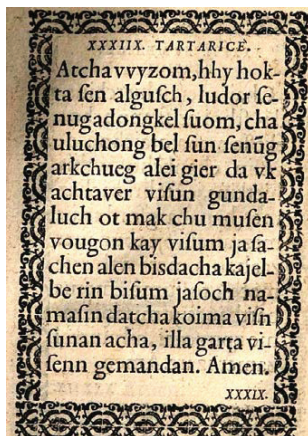

Figure 3. Lord's prayer in “Tatar” from a 16th century polyglotta. The text contains some mistakes. For example the handwritten letter *M* was taken for *VV* in the first word *Atamiz*, etc. [11]

There is some evidence that a gospel was translated into the Balkar language at least in the 15th century. [16] Turkic-speaking Armenians living in Ukraine translated the Book of Psalms and produced a number of religious texts in the Armeno-Kipchak language. [17,18]. Several chapters from the Gospel of John were translated into Nogai in the 17th century. [72]

A great number of Bible translations (targums) was made by Turkic-speaking Karaims and even Rabbinic Jews [2, 3, 19] Ebenezer Henderson, a Scottish biblical scholar, describes one of such manuscripts in his book *Biblical Researches and Travels in Russia; Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus*. [20]

In the beginning of the 19th century, Scottish missionaries in the North Caucasus translated Gospels, Genesis and Psalms into the local dialect of the Tatar language. They adapted a 1645 Turkish translation of the Bible made by Ali-Bey, and their version was influenced greatly by his work. [4]

Words used to render the concept “God” in the Tatar language

Tatar-speaking nations professed (and still profess) different religions, i.g. Tengrism, Buddhism, Islam, Judaism, Karaism, Christianity, etc. Therefore, while translating the Holy Scriptures for different audiences, they used a number of different approaches to render theonyms.

According to K.Musaev [12], there are three main ways to render the word “God” (Elohim) in modern Turkic languages. The Arabic loanword *Allah* is used mainly in the North Caucasus, Transcaucasia, Crimea, territories near Dnieper, Danube, and Volga. The word *Khoda* of Persian origin and its derivatives are used mainly in the Central Asia. Whereas nations with a small portion of Muslim population prefer a traditional Turkic name of God, *Tengri*.

In the present-day Tatar religious and linguistic world-image, the concept «God» is mainly represented by the lexeme ٱللہ- *Алла / Аллахы (Alla / Allahi)*, which is the most common word in the list of names of the Creator. [21] The same word was used also in Old Tatar written texts. For example, it is used very often in Qol Ghali’s *Qissa-i Yosif*, a 13th century Tatar poem (e.g. *Аллаһ әмрин сындурмага қурқарған* — I am afraid to break Allah’s commandment). One more lexeme of the Arabic origin, *Иляһе*, can be found in the Tatar literature (e.g. *Иляһе, хәлемни белүрсән хуш* — O God, you see my condition). [22]

The word *Тәңре (Tengri)* that comes from the old Turkic language (*Täŋri* ‘sky; God; divine’) is also applied to God in religious and secular writings. This word is mentioned as an equivalent to “God” in Slavic *Great Menaion Reader*, which contains an entry “ТАГРИ — БГЪ” i.e. “Tengri — god” in the Polovtsian (Qypchak) — Russian dictionary. [23]

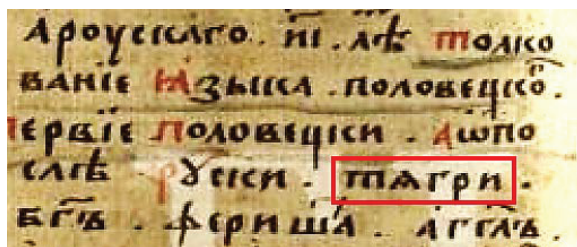

Figure 4. *Tengri* in *The Great Menaion Reader*, August, 1542 [23]

Persian loanwords *Хода* (Khoda) and *Ходавѣнда* (Khodawende), Turkic *Изе* (Ize, ‘Master’), and different epithets of God of Arabic origin (i.e. *Әхәд*, *Самәд*, *Бақи*, *Зүл-Жәләл*, *Жәббар*, *Ғәффар*, *Раббе*, *Халик*, *Хак*, etc.) can also be found in Tatar texts. [21]

Tatars living in the Grand Duchy of Lithuania adopted the Belorussian language and translated a number of their religious books into it. It is interesting that they borrowed a Polish-Byelorussian Christian term *Pan Boh/Bog* (پَان بُوَه, Lord the God) and used it instead of *Allah*. [24] For instance, Ibrahim Khosenevich’s *Kitab* says: “*bo Pan Boh lubic dobrih 'adpusqliwih*” (‘because Lord the God loves merciful ones’) [25]. *Pan Boh* is a common equivalent of the Hebrew *YHWH ELOHIM* found in Christian writings.

The theonym *YHWH*, the sacred Tetragrammaton, was obviously known to Turkic-speaking nations of various religious backgrounds.

Khazars, a Turkic people, were converted in Judaism. A large Khazar community lived in Kievan Rus. In 930, Jews from Kiev wrote a letter in Hebrew². It was a recommendation written on behalf of a certain Jacob bar Hanukah. It mentions names of several members of the Kievan Jewish community, some of which were of Turkic origin. It also has a Turkic runiform inscription, which exact interpretation is still unclear. The letter contained the Tetragrammaton in the form of three letters *yod* (see Fig. 5).

אלא כמזכירים ולכם תהיה צדקה לפני יי אלהיכם

Figure 5. Line 20 from the Kievan letter: “...but rather those who remind; and to you will be charity before the YYY your God...” [27]

² According to some scholars, the letter was sent not from Kiev, but to Kiev [26].

[illegible]

In the beginning of the 11th century, Abu Rayhan Al-Biruni, a Khwarezmian⁴ scientist, accompanied Mahmud of Ghazni, a Turkic ruler of the Ghaznavid Empire, in his expeditions to India. As a result, in 1030, Al-Biruni wrote an encyclopedic work *Kitāb fī Taḥqīq mā lil-Hind* (which is sometimes translated as “Verifying All That the Indians Recount, the Reasonable and the Unreasonable”). In the chapter “Notes on the writings of the Hindus...” he compared religious views of the Hindus with those of Muslims and Jews and described the “Qere and Ketiv” principle applied to the Tetragrammaton. (See Fig.7)

⁴ Khwarazm is a region located on the territory of modern-day western Uzbekistan and northern Turkmenistan.

و مفتاح الكتب عندهم بأوم
 الذى هو كلمة التكوين كافتتاحنا باسم الله تعالى وهذه صورة أوم " "
 وليس من حروفهم وإنما هى صورة مفردة له للتبرك مع التنزيه
 كاسم الله عند اليهود فإنه يكتب فى الكتب ثلاث يادات عبرية وفى
 التوراة " " يهوه " بالكتابة و " اذونى " باللفظ وربما قيل " يه "
 فقط ولا يكتب الاسم الملفوظ به وهو اذونى

Figure 7. An abstract from Al-Biruni's *Kitāb fī Taḥqīq mā lil-Hind* [28]: "The Hindus begin their books with *Om*, the word of creation, as we begin them with "In the name of God." [*Bismillāhi Ta'ala*]. The figure of the word *Om* is <...>. This figure does not consist of letters; it is simply an image invented to represent this word, which people use, believing that it will bring them a blessing, and meaning thereby a confession of the unity of God. Similar to this is the manner in which the Jews write the name of God, viz. by three Hebrew *yods*. In the Thora the word is written *YHWH* [*Yahweh*] and pronounced *Adonai*; sometimes they also say *Yah*. The word *Adonai*, which they pronounce, is not expressed in writing." [29]

In the 19th century, Shamil⁵, the 3rd Imam of Dagestan, wrote, according to some sources, a song which was sang by *murīds*. It was translated from Arabic into Russian by Alexander Kazembek. The song contained the following lines:

You are the doors to **Jehovah**,
 Go, save people, and hurry up,
 The lost ones have fallen behind,
 They have fallen behind the people of God.
 For God's sake, and so on. [30]⁶

However, the translator did not provide the original text, so it remains unclear what Arabic word was translated as 'Jehovah'.⁷

While translating the Bible into Turkish, Ali Bey "generally used the Islamic theonyms *Allah Teâlâ* or simply *Allah* to translate YHWH, *Tanrı* to translate *Elohim*, and *Efendi(m)* or *Rabb* or *Rabbî* to translate *Adonai*". [1]

Based on the analysis of several Turkic translations, K.Musaev lists a number of Turkisms used to render YHWH (Yahweh) [12]. He explains this

⁵ Shamil's father was a Kumyk and his mother was an Avar.

⁶ According to some sources, a 19th century Circassian *tariqa* admonition written in Arabic contained the Tetragrammaton in the form of Yahweh. [31]

⁷ A 17th century traveler Jean Chardin links *Hu*, the name for God in Sufism, to Jehovah [32]. The relation between the term *Hu* and theonym Jehovah was discussed in details by G. Gertoux. [33]

using the Kazakh language as an example. Kazakh words *He, Eze* (Master, Owner) has a phonetic similarity with Yahweh, therefore, he recommends them (and their analogues in other Turkic languages) to render the Tetragrammaton. For instance, he translates “Sovereign Lord” (*Adonai YHWH*) in Isaiah 50:4,5 (NIV) as *Бу Ием* (Bi Iem) using the word *Бу* (Lord) as an equivalent for *Adonai*, and *He-м* (my Master) for YHWH due to its phonetic similarity to Yahweh or Iehova (Jehovah).

Codex Cumanicus

This document contains mainly paraphrases of the Bible and sermons; therefore it is difficult to identify the ways of rendering the Tetragrammaton in this text. However, it should be noted that Turkic words ***Biy*** or ***Bey*** are used as equivalents for the Latin *Dominus* ‘Lord’, including quotes from the Old Testament, for example: “*Söygil Teñirni, seniñ Biyinni, kerti köñ lüy den, barça džaniñdan, barčadan küçük džaniñdan dayı ti niñ dan!*” (‘Love God, your Lord, with your honest heart, with all your soul, with all your minor soul, and your spirit’) [10]

There is also an interesting passage related to the topic of this work with controversial interpretations given by different researchers. (See Fig. 8)

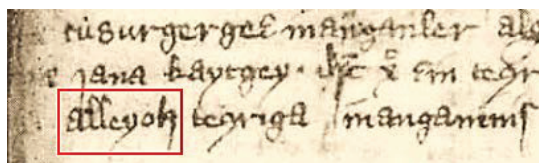

Figure 8. *Allejoh* in *Codex Cumanicus*

G.Kuun [2] interprets it as “Allejoh tengriga (,) inanganmis kin kensi din tengri bisni uretti” putting a footnote “Allejoh ‘laudate Jehovam’” (‘Praise Jehovah’, i.e. Hallelujah). At the same time, A.Garkavets translates this sentence differently: “Alley-oğ Teñrigä inanyanımız, kim kensi čin Teñri bizni üretti. Amen!”, that is “This is what our faith in God is...” [10].

Armeno-Kipchak writings

Adonai

This word is found in an 18th century Armeno-Kipchak Bible dictionary in the collection of works Vien311. [17]

Biy (Lord)

Psalms 1:6 in the Armeno-Kipchak Psalter (1575/1580): “Zera tanir ***Biy*** yolun artarlarnıñ, yolları dinsizlarnıñ tas bolgay.” [18]

Eyā (Lord)

Psalm 77:11 in the Armeno-Kipchak Psalter (1575/1580): “Aṇdīm isin *Eyāmizniḡ*...” [18] This word comes from the same root as the Kazakh term *He* mentioned earlier.

Tengri

In Armeno-Kipchak texts the word *Tengri* is usually used as an equivalent for *Elohim*, but in some verses this term was chosen to render YHWH.

Psalm 14:1 in the Armeno-Kipchak Psalter (1575/1580): “Aytṭi harsüz yüräkinä kensiniḡ, ki yoḡxtur *Tengri*.” [18]

Eyovi

An abstract form a sermon based on Malachi 3:10: “Xaysi ki hali dä köplärgä tügälliyir ṣaytan da etiyir müf tünä čalışmaḡ da öktäm işlär bilä *Eyovilär* ye mišinä, da ḡurbanlarına, da başḡışlarına.” [37] This transcription may have appeared due to the influence of Armenian texts, where this form of God’s proper name is used.

Rabbinic Jewish and Karaite writings

Rabbinic Jewish and Karaite writings in Turkic languages mainly follow the ways of rendering the Tetragrammaton in other Jewish targums, including non-translation (original writing) or substitution with *Adonai* ‘Lord’, *H(a)*, as well as other variants. However, Tatar terms such as *Tengri* were also used.

Tengri

In the Book of Psalms published in Gözleve (1841), the Hebrew expression *Hallelujah* is often rendered as *Maḡtaṇiḡ Tengri* ‘Praise Tengri’. (See Fig. 9)

בְּיָמֵינוּ מִן אֱלֹהֵינוּ אֲדֹנָי | דְּוִיבֵנוּ דְּוִיבֵנוּ דְּנִין :
(קמו) הַלְלוּהָ מְבַשְׂמֵנוּ מְגִרֵּנִי | מְבַשְׂמֵנוּ גְּנִים יְיָ נִי : אֲהַלֵּלָהּ
מְבַשְׂמֵנוּ יְיָ נִי מִדְּלִיפ־לִימְרָא | וְאֶר אִשְׁמֵרֵנוּ מְגִרֵּמָא בּוֹלְגֵנוּמָא
מִרִי : אֵל אִשְׁנֵמֵנוּ גְּוִמְרֵמָרְנָא | אֲוִלֵּנָא אָרֶם גִּינ | כִּי וְאִשְׁרֵנוּ אֲוִינָא
יְרִלְגֵשׁ : תַּעֲזָא צִינֵר גְּנִי קִמְרֵינָא | אֵל פִּנְרָא מֶם בּוֹדִילֵר כְּנִישְׁלָרִי :

Figure 9. Psalm 146 from the Gözleve (1841) version: *Maḡtaṇiḡ Tengri* הַלְלוּהָ

Adonai/Adonay

Psalm 71:16 in the translation of the Passover Haggadah, *Targum hallel haq-qatan*, published in Gözleve without date and the name of the translator: “Keleyim baḡatırlıqlar bilen, ey *Adonay* Tañrı; saḡındırayım doḡruluḡuñı yalḡız özüñnüñ.” [38]

Exodus 18:1–27, *Parashah Yitro*, in north-western Karaim dating back to 1720: “וישמע יתרו כהן מדין. Da ešitti Jitro ʟqara tonlusu Midjannyn qajnatasy Mošenin ošol barča ne ki qyldy tenri Mošege da Israelge ulusuna lözünün ki çyğardy *Adonaj* ošol Israelni Micrid'an.” [39]

ה H(a)

Ebenezer Henderson, a Scottish Biblical scholar, analyzed a Karaite manuscript of *Tanakh* and found out: “Wherever the sacred name יהוה occurs in the original, its place is supplied in the version by the abbreviated form ה i. e. הַשֵּׁם ‘the Name’.” [20]

Genesis 7:1 in the Bible translation into the northern Crimean dialect of the Karaim language: “Da aytti *H* Noah-ya: kelgin sen da barča ewñ ol gemigä ki seni kördüm sadıq aldima uşbu dävirdä.” [2]

Leviticus 1:1 from the translation of the Pentateuch with the parallel Hebrew text (Istanbul, 1832–1835), carried out by Abraham Firkovich, Simha Egiz and Isaac b. Samuel Kohen, in the Turkish language with Kipchak elements: “Da çağırđı Moşe’ge ohel mo’edden da sevledi *H* ona deme.” [3]

Numbers 1:1 in the critical edition of the Crimean Karaim Bible: “Da sözlädi *H* Moşegä yabanında Sinaynıñ ohel mo’eddä’ birindä ol ekin’i aynıñ ol ekin’i yılda çikkanlarında² yerindän Mısırnıñ demä.” [40]

Deuteronomy 32:1 in a Halich Karaim manuscript: “... kildi *Ha* Tenriniz siznin eki ol meleklergeol uspularga...” [41]

Psalms 91:9 in Trakai Karaim: “Ki sen *Ha* umsunčum jogargy Tenrigä qojduj ornujnu...” [42] (See Fig. 10)

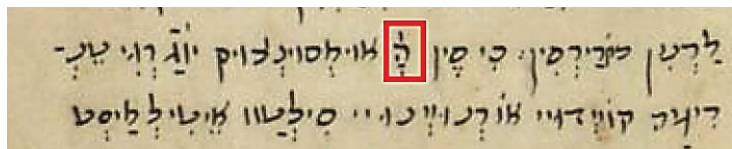

Figure 10. The Trakai Karaim translation of Psalm 91:9. (Library of the Lithuanian Academy of Sciences, catalogue number F305–14)

י Ya

Obadiah 1:1 in a Karaite manuscript in Istanbuli Turkish: “Naviliği ‘Obadyah nin boyyile dedi *Ya* tanrı ‘Edom ğa haber ešittiğ yanından *Ya*-nin ve elçi.” [43] (See Fig.11)

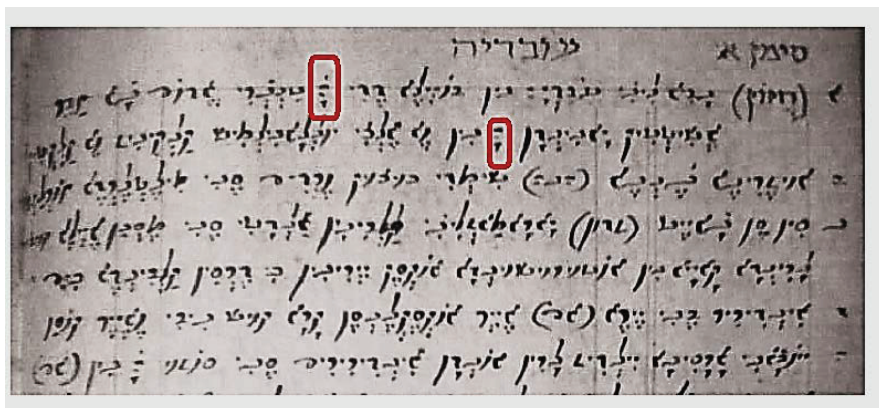

Figure 11. Obadiah 1:1 in a Karaite manuscript [43]

יי YWY

This form is often found in targums.

Genesis 4:26 in the Gözleve version of Karaim Tanakh (1841): “וְלִשְׁתׁ daShet ga dagin ol dogdu ogul da'atadi adini Enosh. Ol vakiteta bashlandi chakirma ga adi ilan *YWY*-ning.” [44] (See Fig.12)

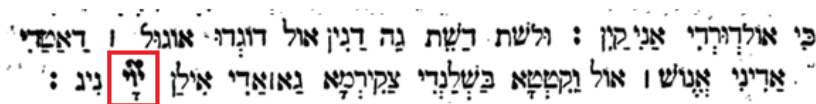

Figure 12. Genesis 4:26 in the Gözleve version (1841) [44]

Leviticus 1:1–3 from Ms. EVR I Bibl. 143 (the National Library of Russia, St. Petersburg) written in 1470–1480s in the Golden Horde Tatar language: “וְיִקְרָא: Da ündädi Moşeni da sözlädi *YWY* añar va'da çatırıdan dëmä, דְּבָר: ‘Sözlägin Yisra’el ulanlarına da aytqaysın alargä, “Adam ki keltirsä sizdän qorban *YWY*-ga tuvardan, sıgırdan da qoydan keltirgäsiz qorbanıñızın. אָם: Ėğär ‘ola eşä qorbanı sıgırdan bütün erkäk keltirgäy anı eşiginä va'da çatırınıñ keltirgäy anı qabul köñlinä alnına *YWY*-nıñ.” [45] (See Fig. 13)

ויקרא: דאונדדי משהנ דסולדי יְהוָה אנגר ועדא צטירינדן דימא: דבר: סולגין ישראל אולנלרינא דאייטקיסן אלרגא אדם כי כלטירסא סידון קרבן יְהוָה גא טוברדן סיגירדן דקוידן כילטירגי סוז קרבנינגזני: אם: איגר עולה איסא קרבני סיגירדן בוטון אירכב כלטירגי אני אישיגינא ועדא צטיריני כלטירגי אני קבול כונגלינא אלנינא יְהוָה נג:

Figure 13. Leviticus 1:1–3 from Ms. EVR I Bibl. 143 [46]

יהוה YHWH

While analyzing the manuscript mentioned above, E. Hendersen wrote, “The name יהוה צדקנו *Jehovah our Righteousness* (Jerem. xxiii. 6, and xxxiii. 16) is ... left untranslated.” [20]⁸

The influence of Turkic targums on 15th century Slavic translations of the Pentateuch

In 1842 and in 1860, Alexander Vostokov and Alexander Gorsky, respectively, found the so-called Edited Slavonic-Russian Pentateuch, which contained glosses and emendations related to the Masoretic Text and Jewish Biblical exegesis. As it has been found, these versions were edited via “the obvious intermediary translations of the Masoretic text into a Turkic language, more precisely Old Western Kipchak which was close to the language of the 1330 copy of the Codex Cumanicus; to the Mamluk-Kipchak of the Egyptian texts of the 13th–15th centuries; and to the Armenian-Kipchak of the Galician and Podolian MSS of the 16th–17th centuries; and finally to Karaim, the language of the East European Karaites who lived at that time in the Grand Duchy of Lithuania.” [19]

Some of these glosses were related to rendering the Tetragrammaton in the book of Exodus. Some of them were analyzed by B. Uspensky. [47] (See Fig. 14)

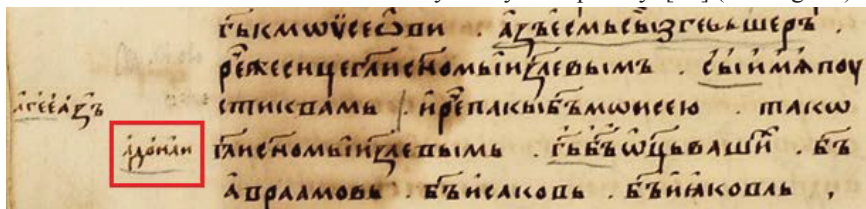
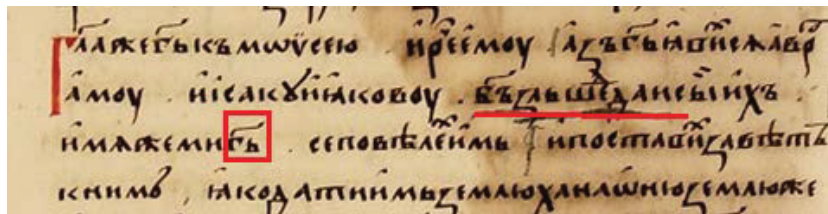

Figure 14. Exodus 3:14, 15 in the Edited Slavonic-Russian Pentateuch. [48] The marginal gloss “adonai” corresponds to the expression “Lord the God” (YHWH Elohim in the original text)

It should be noted that glosses and emendations in the Slavic texts corresponded to names and epithets of God in Turkic targums. [19] (See Fig. 15)

A.

B.

⁸ Examples of the use of the theonym Jehovah in the legislation of the Russian Empire concerning Jews and Karaims are listed in Appendix A.

פרשת וראא

וַיִּרְבֹּךְ אֱלֹהִים אֶל מֹשֶׁה וַיֹּאמֶר אֵלָיו אֲנִי יְיָ : דְּסוֹלְרִי מַגְרִי מִשְׁהֶגְנָא
 דְּאִימְסִי אֲנִי מִנְמִן יְיָ : וַאֲרֵא דְאִשְׁמֶרֶה אוֹדִים אֲבָרְהָם גֵּא
 יִצְחָק גֵּא וַיַּעֲקֹב גֵּא אֶל שְׂרֵי פִילֹאֲלֵבִין אֲדִים יְיָ פִילֹן : פִּילִינְמִדִים אֲלֶרְגָה :
 וְגַם דְּדִגִּין מִיַּגְנוֹרְמִין שְׂרִימְכִי פִירְגִלְרִינָה : וְרַמָּה אֲלֶרְגָה יִרִין פִּנְעִין נִיג :

Figure 15. A — Exodus 6:3 in the Edited Slavonic-Russian Pentateuch [48]. “And I appeared unto Abraham, Isaac, and Jacob, by the name of El-Shadday (underlined), but by my name LORD (encircled) was I not known to them.” B — Exodus 6:3 in the Gözleve version (1841). “Da aşbara oldim Avrahamga Yitshaqqa da Ya‘aqovga El-Şadday (underlined) bilan lakhin adim YWY (encircled) bilan bilinmadim aladga.” [19]

Translations of the Bible into Tatar made by Scottish missionaries in the 19th century

C.Frazer’s translation of the Book of Genesis

Allah

Some researchers concluded, that Ali Bey, the translator of the Turkic Bible, as a rule, used the Islamic theonyms *Allah Teâlâ* or simply *Allah* to translate YHWH [1]. Charles Fraser, in general, followed this approach. For instance, the first occurrence of YHWH in the Bible is in Genesis 2:4. Fraser translated this verse as follows: “Köklärniñ vä yerniñ yaratğanları zamānda āşılları bu edi: *Allah* Teñri yerni vä köklärni yaratğan kündä.” [4]

Rabb

Genesis 4:1 Andan Ādem ḥatunı Ḥavānı bildi, vä ol ḥāmilä bolıp Kāyınını doğurdı vä ayttı: ‘Bir ādam ya nī *Rabbni* kazandım’.” [4]

Teñri

Both Ali Bey and Fraser used the Turkic word *Teñri* as an equivalent for Elohim. However, there were some exceptions, when *Teñri* was used by Fraser to translate YHWH. For example, in Genesis 7:1 “Vä *Teñri* Nūḥğa ayttı: ‘Sen vä barça eviñ sefinä içinä kir, zīrā bu dahırda seni aldımda şādıḳ kördim’.” [4]

יהוה Yahu

This transcription of the Tetragrammaton can be found in the Tatar translation of Genesis in the following verses: 4:26, 10:8, 11:4, 21:33, 22:14, 24:3, 24:7, 28:21.

For instance, Genesis 4:26: “Vä Şetgä dahı bir oğul doğdı, vä anıñ adın Enōş koydı. Ol zamān *Yāhūniñ adı* istid’ā bolunmağa başlan’dı.” [4]

Translation of the Book of Psalms (Astrakhan, 1815)

A.Glashev analyzed the text of the Tatar translation of Psalms published in Astrakhan, in 1815. According to his conclusions (along with A.Garkavets), *Tengri* is used to translate the word “God”, and *Biy* is an equivalent for *Lord*. He also states that when the Scriptures spoke about God in general, the translators used the word *Allah*. But if the biblical text speaks of the God of Israel, the word *Tengri* is used. [12]

Modern Tatar translations

Modern translation of the Bible in the Tatar language produced by the Institute for Bible translation, as a rule, uses the word *РАББ* (Lord) as the equivalent for YHWH. A footnote to Genesis 2:4 says: “РАББИ: Яһүд телендәге «Яһвә» сүзе (Аллаһының Үз исеме, «бар булу» фиғылы белән бәйлә) «Иске Гәһед»нең әлегә басмасында «Раббы» дип бирелә. «Яһвә» исемен кычкырып әйтергә ярамаганлыктан, тора-бара аның урынына «Адонай» (Хужам) сүзен куллана башлаганнар. Грек телендә язылган Инжилдә «Яһвә» һәм «Адонай» исемнәре «Кюриос» (Раббы, Хужам) дип тәржемә ителгән, һәм шушы сүз Аллаһыга карата да, Гайсә Мәсихкә карата да кулланыла.” (The Hebrew word «Yahweh» (the proper name of God meaning «the one who exists») in this edition of the Old Testament is referred to as «Lord». Since the name «Yahweh» could not be pronounced loudly, the word «Adonai» (Master) was used instead. In the New Testament written in Greek, the names «Yahweh» and «Adonai» are translated as «Kurios» (Lord, Master), and this word is used in relation to both God and Jesus Christ). [52] The same approach is applied by translators of the book of Jonah into the Siberian Tatar language, who wrote in a footnote to Jonah 1:1 that they use the term *РАППИ* to translate YHWH (“Яхве”).

Conclusions

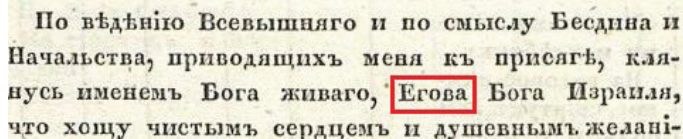
Translators of the Holy Scriptures into the “Tatar” language used several approaches to render the theonym YHWH depending on their religious background. For instance, translators of Rabbinic Jewish and Karaim versions prefer the original writing or acronyms for God’s name used in Judaism. Translators with the Christian background prefer semantic translation and transliteration/transcription. At that, only translators of the modern versions are consistent in using one equivalent for rendering the Tetragrammaton (usually it is an Arabic loanword RABBI). There is also an interesting approach proposed by K.Musaev to translate the theonym YHWH using equivalents with phonetic similarity (i.e. Kazakh *Ие* ‘Master’, Tatar *Ия*, Armeno-Kipchak *Еуә*).

ACKNOWLEDGEMENT. The author would like to thank Dr. Pavlos D. Vasileiadis, a post-doc researcher in the Biblical Literature and Religion Department, Aristotle University of Thessaloniki, Greece, for his kind help and consultations.

Appendix A.

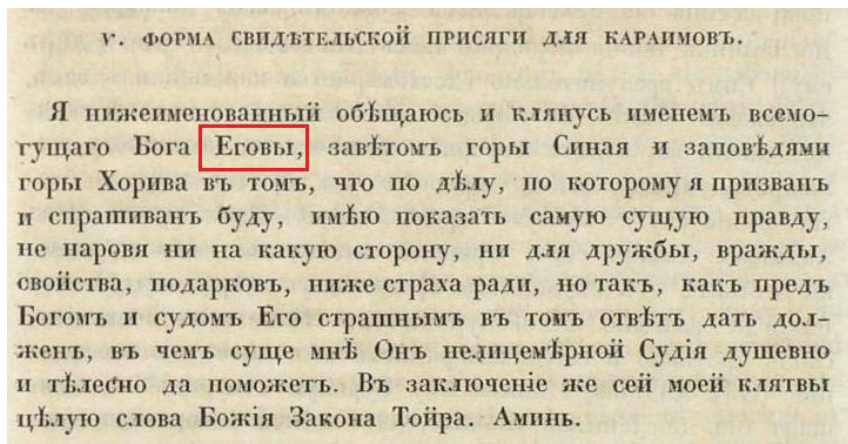
The use of the theonym *Егова* “Jehovah” in the legislation of the Russian Empire concerning Jews and Karaims

Several laws and legal enactments issued by the Government of the Russian Empire contained texts of oaths for Jews and Karaims. The proper name of God in the form of *Егова* “Jehovah” was used there. Two examples can be seen below (Fig. 1 and 2)

По вѣдѣнію Всевышняго и по смыслу Бесѣдна и Начальства, приводящихъ меня къ присягѣ, клянусь именемъ Бога живаго, **Егова** Бога Израиля, что хочу чистымъ сердцемъ и душевнымъ желаніемъ

Figure 1. An oath for members of the Jewish Prayer Society: “... I swear by the name of the living God, Jehovah, God of Israel...” [49]

V. ФОРМА СВИДЕТЕЛЬСКОЙ ПРИСЯГИ ДЛЯ КАРАИМОВЪ.

Я нижеименованный общаюсь и клянусь именемъ всемогущаго Бога **Еговы**, заветомъ горы Синаи и заповѣдями горы Хорива въ томъ, что по дѣлу, по которому я призванъ и спрашиваю буду, имѣю показать самую сущую правду, не наговя ни на какую сторону, ни для дружбы, вражды, свойства, подарковъ, ниже страха ради, но такъ, какъ предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ отвѣтъ дать долженъ, въ чемъ суще мнѣ Онъ нелицемѣрной Судія душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова Божія Закона Тойра. Аминь.

Figure 2. Sworn testimony for Karaims: “... I swear by the name of the Almighty God Jehovah...” [50]. At that, the authors of this law require to translate this oath into the Tatar language with Hebrew letters.

Appendix B.

Psalm 91 in several Turkic versions

	Trakai Karaim [42]	Armeno-Kipchak [18]	Kryashen Tatar [51]	Modern Tatar [52]
1	Olturuŭçu sijinčinda jogargy Tenrinin kölägäindä küçlü tenrinin sijinadır	Kim dâ tîniptîr boluŭluyundan Biyiktâgîniñ, kölegäsi tibinâ Tenriniñ köktâ tîngay.	Жугарыгы (Ходай) булышыб торган кеше, Кюктыге Ал- ланын боркяүе эчєня урын- нашыр.	Аллаһы Тәгалә яклавындагы кеше кодрәтле Зәтның ышгыгында урын табар.
2	aŭtamin Həga iſančim da bekligim; Tenrim iſanamin anar	Aytkaŷ Eŷämizgä: «Yöpsü- növümſen, umſam menim Asduadz, da men umſanırmən saŋa.	Ходайга әйтер: Жақлаучым, Сыйындыруучым, ышаныб торган Аллаам дйер.	Раббыга әйтер ул: «Сыену урыным, қалғам- нығытмам, өмет бағалаған Аллаам — Синдер»
3	ki ol qutcharir seni tuzachtan ilinädogon ölättän da qawſarlichtan	Ol ɣutɣargay meni avından ulavuçiniñ da seskändirüçi sözündän».	Сине Ул тотарга жөрөүченен тозагынан, әйяк сөздян қот- қарыр шул.	Раббы сине аучы тозагынан да, үлөт зәхмәтенән дә қотқарыр,
4	haŷgachasi bila qalqanlar seni da ŷkinasi tübünä sijinirsın qalqan da kübä kertiligi anin	Aɣası üsnä kensiniñ kötürğä seni, kölegäsinä ɣanatlariniñ umsangaysen. Necik yaraɣ, çövtäpə bolgay seniñ könlükü aniñ.	Сине жылкясе белән қабаб торор, қанатлары астында қу- рықмый торорсын; Анын чынныгы қабауыч қык сине жабыб торор	сине қанатлары астына алып қапар, шұнда сыенып хәвәфсез яшәрсең. Аның тугрылығы сиңең өчен қалқан, қалға дивары булар
5	Qorchmassyn qorchubdan kečanin ochtan uçadogon kündüz	Hoɣmagaysen sen ɣoɣusundan kečanin da ne oɣtan, ki uçar kündüz.	Тондәге курқынычтан, көндөз атылып қилған ұқтан	Төнлә жырылып қилгән әлһиәт тә, көн яктысында очқан уқлар да,

6	ölättän tumanda ürijdogon kesmäktän talejdogon tüs vachtlarda	Nemä bar, ki uçar ھاڭارۇدا, ۋاچۇڭدۇمۇڭدان ھاۋاتىنىڭ ۋاچىمكىندە.	карангыда була торган зыяннан, чираян, тош багытын-дагы жөннөн курымассын.	карангыга төрөнөп йөри торган үлөт ээхмөгө дэ, көндөзөн кырган мур да куркыта алмас сине.
7	tüsä son janiġdan min da tümän on janiġdan saja jaman jubumast	Tüssün yäniġdan seniġ minlär da tümänlär oñuġdan seniġ, ki saja nemä yovuxlanmagaylar.	Суу жагында менняб жыгы-лырлар, уң жагында ун менняб кырылырлар, сина жакынашмас та.	Янәшәндә — мең кеше, уң тарафында ун мең кеше кырылып ятса да, сина үлем янамас.
8	ančech közlärġ bilä baharsin da töläwin raša'larġn körsäsin	Tek yalyüz közlärġ bilä baŭkaysen sen, tölöwün yazıŭlilarnıġ körgäysen,	Син тик кюз салыб кна усалларга кайтарылганны кюрерсен	Яман бәндәләрдән үч алынуын син читтән торып тамаша кылырсың.
9	ki sen Ha umsuncum jogargy Tenrigä qojduj ornıju	zera sen, Biy , umsamsen menim. Biyiklängänni ettiŭ kensiġa išanč,	Эй Ходай, ышаныб торганым Син диб әйтәуен белән,	Сыену урыным — Раббыда! Ышыклығың Аллаһы Тәгаләдә булганга,
10	siltav etilmäst saja jamanlich da chastalich jubumast čatırja	yetişmägäy saja yamanlar, da ħüün yovuxlanmagay öviġa seniġ.	Жугарыгыны син сыйындаыручын иттен шул.	синең башына явызлыклар төшмәячәк, чатырына афәтләр якынашмачак.
11	ki malaklarin simarlar saja saqlama seni bar jollarıjda	Fristälärinä kensiġniñ simarlaptır seniġ ücüyün saqlama seni barča yollarıja se [ni]ŭ.	Әр бер көрөшөндә сине Үз Парштыларена сакалатыр шул.	Чөнки һәр йөргән юлыңда сине сакалга дип, Үзенәң фәрештәләренә Үл боерык биргән.
12	qıjasa uvuclar üstünä elitlär seni magat sürünürz tacha ajagij	Biläkläri üsnä kensiläriniñ kötürgäylär seni, ki heč urunmagay taška ayaxlarıñ seniġ.	Сине алар кулларына кө-тәрәб барырлар, аягын ташка сөрткөнмәс.	Юл ташына абынып егылмассың: фәрештәләр сине кулларына күтәрәп алып.

13	qart arislan üstünä da azdaga üstünä üürsün basarsin igit arislanni da azdagani	Üsnä izüñin da karpñin yü-rügäysen sen, ayağ tibiñä bas-kaysen aslanni da adždahani.	Аспидъ василискъ диян жыланнарны жинчерсег, арысланнны, аждагыны табгарсын.	Син арыслан вэ зэхэр еланнар өстенэ басып үтөрсег, яшь арыслан вэ аждагаларны таптап изэрсен.
14	kim meni sübsä da qutcharirmin ani da kiplärmin ani kim bilsä eminni	Zera maça umsandı, dağutçarıym anı, kölegä bolıyım anar, ki tanıdı atımnı menim.	Минга өмөт тотканы өчөн аны коткарырмын, исемемне беагыне өчөн аны каблаб торормын.	«Мине сөйтгән затны Мин коткарырмын, исемемне күнелдә йөрткәне өчен, аның яклаучысы булырмын, — дияр Раббы. —
15	çagırsa maja da karub berirmin anar birgäsınä men bolurmin tarlıçhta kutcharirmin ani da sij-larmin ani	Sarnagay alnıma, da men işit-käymen anar da xatına bol-gaymen tarlıxına. Xutçargaymen da haybatlı et-käymen anı,	Минга тилмерсә аны эштермен; кайгысында булышырмын; аны аралаб алырмын; аны даннадырырмын.	Уа мине дәшеп чакырыр, һәм Мин аңа җавап бирермен, кайгылы чагында янында булырмын, коткарып, аны данга күмәрмен;
16	uzun künlärdän tojdururmin ani da körgüzürmin ani jarligaimni	uzun künlär bilä toldurgaymen da körgüzgäyмен anar xutçarmağımnı menim.	Аны күб жаяштермен, коткарганымны аңар күртгә-зермен.	гомерен озын кылып, коткару бүләк итәрмен!» — дияр.

References:

1. Bruce G. Privratsky. Kitabı Mukaddes'in Türkçe Tercümelerinin Tarihçesi, 16–21 yy. Bütün baskıların listesi, tarihsel açıklamalar ve araştırma önerileriyle https://historyofturkishbible.files.wordpress.com/2015/07/tc3bcrkc3a7e-km-tarihi_version-s.pdf
2. Jankowski, H. A Bible Translation into the Northern Crimean Dialect of Karaim. *Studia Orientalia Electronica*, 82, 1–84. Retrieved from <https://journal.fi/store/article/view/45110>
3. Jankowski, H. Crimean Turkish Karaim and the Old North-Western Turkic tradition of the Karaites. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* Volume 68 (2), 199–214 (2015)
4. Гаркавец А. Musaniç ilk kitabı. Кыпчакское Бытие. Перевод Чарльза Фрейзера. Карас, Астрахань, Оренбург, 1803–1819. Напечатано Джоном Митчелом. Шотландское Миссионерское Общество. Астрахань, 1819. — Алматы: Баур, 2015. — 140 стр.
5. Thomas Hartwell Home. An Introduction to the Critical Study and Knowledge of the Holy Scriptures: Volume 2. 1835–700 p.
6. Глашев А. А. Евангелие и Псалтырь на тюрки, изданные в Каррасе и Астрахани в 1806–1825 гг. // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. М., 2010. С. 307–318
7. Мусаев К. Об истории и проблемах перевода Библии на тюркские языки // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии. М., 1999. с. 161–171
8. Tekin, Talat: *Irk bitig: (the book of omens)*.- Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. — 133 p.
9. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 452 с.
10. Гаркавец А. Н. *Codex Cumanicus*: Второе полное издание. — Алматы: Алматы-Болашак, 2019. — 1360 с.
11. Specimen quadraginta diversarum atque inter se differentium linguarum & dialectorum; videlicet, Oratio Dominica, totidem linguis expressa. 1593. — 46 p.
12. Мусаев К. Проблемы перевода библейских имен Бога (на материале тюркских языков). // Перевод Библии. Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. М., 1994. С. 170–182
13. Иеромонах Иннокентий Кильдеев. Проблема имени Божьего в разных языках и культурах. URL http://tatar.orthodoxy.ru/?page_id=4376 (дата обращения: 29.03.2020).

14. Шихалиева Сабрина Ханалиевна Имена Бога в новом Завете и проблема их перевода // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imen-boga-v-novom-zavete-i-problema-ih-perevoda> (дата обращения: 29.03.2020).
15. Pavlos Vasileiadis. Aspects of rendering the sacred Tetragrammaton in Greek, *Open Theology*, Vol. 1 (2014), pp. 56–88.
16. История Кабардино-Балкарии: Учеб. пособие для сред. шк. / [Б. М. Керемов и др.]; Под общ. ред. Т. Х. Кумыкова, И. М. Мизиева. — Нальчик: Эльбрус, 1995. — 382 с.
17. Александр Николаевич Гаркавец. Кыпчакское письменное наследие. Том I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. — Алматы: Дешти Кыпчак, 2002. — 1084 стр.
18. Armenian-Qypchaq Psalter written by deacon Lussig from Lviv, 1575/1580 / Edited by Alexander Garkavets and Eduard Khurshudian. — Almaty: Deshti i Qypchaq, 2001.
19. Грищенко А. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М.: Древлехранилище, 2018. — 176 с.
20. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia; Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus (etc.)*. Published by James Nisbet, 1826. — 539 p.
21. Мирхаев Р. Ф., Гумеров И. Г. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров — Казань: ИЯЛИ, 2017. — 120 с
22. Кул Гали. Кысса- и Йусуф: Поэма. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. — 220 с.
23. Син. 997. Минеи-Четьи митрополита Макария, август. 1542 г. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/178447?album=622494765&index=91> (дата обращения: 29.03.2020).
24. Shirin Akiner. *Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab: A Cultural Monument of Islam in Europe. With a Latin-Script Transliteration of the BL Tatar Belarusian Kitab*. Mediterranean Language and Culture Monograph Series, vol. 11. Wiesbaden: Harrassowitz. 2009. Pp. xxvii + 457
25. Книга Ибрагима Хосеневича 1861 года из собрания Национальной библиотеки Республики Беларусь как исторический источник: дипломная работа / Кевра Инна Чеславовна; БГУ, Исторический факультет, Кафедра источниковедения; науч. рук. доцент Бежавский А. М. <http://elib.bsu.by/handle/123456789/117636> (дата обращения: 29.03.2020).

26. Marcel Erdal, 'The Khazar Language,' in Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai, András Róna-Tas,(eds.), *The World of the Khazars: New Perspectives*, Brill, 2007 pp.75–108.
27. Golb, Norman and Omeljan Pritsak. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1982–166 p.
28. Kitāb fī Taḥqīq mā lil-Hind (Al-Bīrūnī's India) Arabic Text. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Geography, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about 1030 AD. Revised by the DMO from the oldest extant manuscript in the Bibliothèque Nationale de France (Schefer 6080). Osmania Oriental Publication Bureau, Andhra Pradesh, India, 1958. — 699 p.
29. Bīrūnī, Muḥammad ibn Aḥmad, *Alberuni's India* London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1910. Electronic reproduction. Vol. 1. New York, N.Y.: Columbia University Libraries, 2006. — 408 p.
30. Казембек А. Мюридизм и Шамиль. — Русское Слово. 1859, № 12. С.241
31. Кавказ: Адагы горских народов. — Нальчик, 2010. Вып. IV — 384 с.
32. Jean Chardin. *Voyages de monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient*, Amsterdam, Jean-Louis de Lorme, 1711–463 p.
33. G. Gertoux. The Name of God Y. e H. o W. a H Which is Pronounced as it is Written I_E h _ o U_A h. University Press of America. 2002. Pp.47-79.
34. Marvin Kantor. *Medieval Slavic Lives of Saints and Princes*. The University of Michigan, Ann Arbor 1983. Pp.25–81.
35. Василиадис П. Д., Борщевский И. С. Aspects of Rendering the Sacred Tetragrammaton in Medieval Slavic Religious and Secular Texts // Филология и лингвистика. — 2019. — № 3. — С. 1–16. — URL <https://moluch.ru/th/6/archive/144/4511/> (дата обращения: 30.03.2020).
36. CODEX CUMANICUS. Ed. By G.Kuun. Budapest, 1886.
37. Конгрегация армянских мхитаристов, г. Вена, № 468: Сборник Хаче-реса, сына Оксента. Христианские каноны и прочие сочинения. // Гаркавец Александр Николаевич. Кыпчакское письменное наследие. В 3 томах. — Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Том I. Армянописные памятники, хранящиеся в Австрии, часть 1. — Алматы: Баур, 2017. — 810 стр.
38. Jankowski, H. Literatura krymskokaraimska. Przegląd Orientalistyczny Nos 1–2, pp. 50–68.
39. Németh, Michał. An Early North-Western Karaim Bible Translation from 1720. Part 1. The Torah. Karaite Archives 2 (2014), pp. 109–141
40. "The Book of Numbers." *The Crimean Karaim Bible: Vol. 1: Critical Edition of the Pentateuch, Five Scrolls, Psalms, Proverbs, Job, Daniel, Ezra and Nehemiah. Vol. 2: Translation*, by Henryk Jankowski et al., 1st ed.,

- Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2019, pp. 219–292. JSTOR, www.jstor.org/stable/j.ctvh4zgs.11. Accessed 29 Mar. 2020.
41. Olach, Z. Numerals in Halich Karaim Bible texts. *Studia Uralo-Altaica*, 49, 371–380. Retrieved from <https://ojs.bibl.u-szeged.hu/index.php/stualtaica/article/view/13688> (дата обращения: 30.03.2020).
 42. Csátó, É. (2011). A typological coincidence: Word order properties in Trakai Karaim biblical translations. In *Puzzles of language: Puzzles of language. Essays in honour of Karl Zimmer*. / [ed] Eser Eser Erguvanlı Taylan & Bengisu Rona, Wiesbaden: Harrassowitz, 2011, p. 169–186
 43. Shapira, Dan. A New Karaite-Turkish Manuscript from Germany: New Light on Genre and Language in Karaite and Rabbanite Turkic Bible Translations in the Crimea, Constantinople and Elsewhere. *Karaite Archives* 2 (2014), pp. 143–176
 44. Targum Tora bi-Lshon Tatar. Гёзлөв (Евпатория) 1841–400 стр.
 45. Lily Kahn. *Jewish Languages in Historical Perspectives*. Brill 2018 — p.45
 46. A. Harkavy & H. L. Strack. *Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Erster und zweiter Teil*. St. Petersburg, 1875 — p. 167
 47. Успенский Б. А. Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси). *Вопросы языкознания*, № 6, 2012. Стр. 93–122
 48. Фонд 113. Собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря. Рукопись № 47. Книги Ветхозаветныя Моисеевы: Бытия, Исход и Левит. XV век.
 49. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том 10 — Санкт-Петербург: 1855. — p. 60
 50. Леванда В. О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г.: Извлеч. из пол. собраний законов Рос. империи. — Санкт-Петербург, 1874. — 1158 с.
 51. Молитвенник на крымском языке. URL: <http://daniilcenter.ru/images/stories/dvizenie/kryashen-spusk.pdf> (дата обращения: 30.03.2020).
 52. Татар теле Изге Язма: Иске Гаһед (Тәүрат, Зәбур, пәйгамбәрләренң язмаларын). Яңа Гаһед (Инжил-шәриф). Татар теле Изге Язма: Иске Гаһед (Тәүрат, Зәбур, пәйгамбәрләренң язмаларын). Яңа Гаһед (Инжил-шәриф). URL: <http://ibt.org.ru/bible> (дата обращения: 30.03.2020).
 53. Йунуспәйгәмпәрнеңкитабы (себертатарәмурыстелә). URL: <http://ibt.org.ru/ru/media?id=SBT> (дата обращения: 30.03.2020).

Человек и дьявол в повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота»: бытие в унисон

Щуков Денис Александрович, студент магистратуры

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируется образно-мотивный комплекс, связанный с музыкой, в повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота». Делается вывод, что тесное взаимодействие, «созвучие» человека с дьяволом в сюжете повести можно метафорически представить музыкальной метафорой «унисон».

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Пропавшая грамота, мотив музыки, унисон.

В начале 1830-х гг. молодой писатель Н. В. Гоголь-Яновский, находясь на канцелярской службе в Петербурге, издает свой первый цикл повестей с символическим названием «Вечера на хуторе близ Диканьки». Уставший, неудовлетворенный промозглостью и унылостью имперской столицы литератор тайно вечерами после службы напряженно работает над произведением, ставшим его триумфальным художественным заявлением. Гоголь, задумав целый цикл повестей с ярким малороссийским колоритом, с упоением отдается созданию «Вечеров...», находясь в постоянной переписке со своей матерью М. И. Гоголь-Яновской, которая по просьбе сына регулярно отправляет ему необходимые для работы сведения о малороссийской жизни, быте и культуре.

Как известно, в весьма краткий срок — всего за год (с 1831 по 1832 гг.) — Гоголем пишутся восемь повестей («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купалы», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Заколдованное место»), объединенных в единую книгу «Вечеров...».

А. С. Пушкин, прочитав «Вечера...», был восхищен озорным нравом украинского народа и восторженно отмечал, что «...все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего...» [4, с. 27].

И потому неудивительно, что в каждой повести первой гоголевской книги обнаруживается большое количество песенных мотивов, ибо они, как национальные мелодии в пушкинских «южных поэмах», есть «выражение души народа, склада его мышления. Это голос окружающего мира, звуки коллективного социума» [7, с. 344]. Действительно, стоит отметить, что музыкальные мотивы являются обязательной составляющей любой повести «Вечеров...». Более того, мотив музыки во многом и определяет сюжет, тональность каждой повести цикла. На это обращают внимание такие исследователи, как Н. Н. Брагина, А. С. Янушкевич, А. Г. Савинова и др.

Так, ключевое значение музыки в «Вечерах...» обнаруживает Н. Н. Брагина, которая в своей книге «Н. В. Гоголь: симфония прозы (опыт аналитического исследования)» подробно рассматривает феномен музыки в творческой системе Гоголя, начиная свое исследование именно с природы музыкальности в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки». Рассматривая архитеконику книги, исследователь приходит к выводу, что многие повести цикла вполне сопоставимы с оперными произведениями, поскольку «отдельные главы прямо строятся как сцены из спектаклей, т. е. на сплошных диалогах. Хочется просто положить на музыку остроумный гоголевский текст – и опера готова» [1, с. 15].

Музыкальность в «Вечерах...» обнаруживает и А. С. Янушкевич, который, сравнивая творческие системы Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина, приходит к следующему выводу: «В отличие от Пушкина Гоголь не стремится к лаконизму и простоте прозаической речи. Он буквально купается в стихии народной поэзии, словно перелагая в словах мелодии фольклорных песен и сказов» [8, с. 608].

Обращаясь к музыкальности «Вечеров...», А. Г. Савинова выделяет основополагающие мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», к которым, по мнению исследователя, особым образом примыкает мотив песни: «В «Вечерах...» мотивы песни, хохота, танца становятся антропологическими и онтологическими категориями. Среда «Вечеров...» пронизана звуками, которые, являясь по происхождению бытовыми, обретают на символическом уровне бытийное значение» [5, с. 17].

Думается, что образно-мотивный комплекс, связанный с музыкой, действительно значим для интерпретации повестей цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Для подтверждения этого в данной статье выявляется и рассматривается значение мотива музыки в повести «Пропавшая грамота».

Повесть «Пропавшая грамота» завершает собой первую часть книги «Вечеров...», что определяет ее значимость как своего рода «предварительного итога». В «Пропавшей грамоте» одновременно фиксируется результат развития авторской мысли, явленной в четырех текстах, подводится промежуточный итог цикла и ставится символическое многоточие, открываются новые горизонты художественного мира гоголевской книги, предвещающие следующие повести.

Сюжет повести выстроен на реалиях народного анекдота, будучи «быличкой», шутовой историей из прошлого. Рассказчик, дьяк Фома Григорьевич, повествует прибаутку о невероятных приключениях своего деда-казака, что приобретают героическую окраску (пусть и окрашенную явной иронией), ибо он вынужден совершить рискованное путешествие не куда-нибудь, а прямо в ад, чтобы отыскать там и вернуть грамоту, которую по злой шутке судьбы либо же по ошибке прихватили с собой выходцы с того света.

Данное путешествие и будет являться отправной точкой всего сюжета повести, определяя ее тональность и проблематику, поскольку «герой предпринимает путешествие в попытке вернуть грамоту, по ошибке украденную нечистой силой, а шире — с целью возвращения козацкой чести» [6, с. 71].

Так в «Вечерах...» впервые открыто репрезентируется символический поединок между человеком и дьяволом, а шире — добро вступает в ожесточенную схватку со злом. Отсюда — фольклорный сюжет повести с обязательным элементом инициации главного героя. В этой связи неслучайным также видится и то, что рассказчиком является именно дьяк (церковнослужитель), который по долгу службы вынужден находиться в центре борьбы темных и светлых сил, обязан быть свидетелем столкновения божественного с дьявольским.

Однако по сравнению с предшествующими повестями цикла в настоящей понимание того, как должно выглядеть это столкновение, очевидным образом трансформируется. Так, православные казаки, которые ранее и предположить не могли, что вскоре inferнальное коснется их непосредственно, сопротивляясь отчаянно любой напасти со стороны нечестивого племени, ныне спокойно заявляют о своем взаимодействии с лукавым: «Экая невидальщина! Кто на веку своем не znalся с нечистыми?» [2, с. 138]. Проявление inferнального в мире начинает восприниматься как нечто обыденное, повседневное.

Человек оказывается втянутым в отношения с нечистой силой, вынужден делить мир с выходцами из ада, терпя их проказы, человек больше не способен достойно противостоять злу, давать отпор inferнальным проявлениям в мире.

Рассказчик Фома Григорьевич отчетливо ощущает данную негативную тенденцию и не зря с ностальгией и восхищением вспоминает время, когда существовало храброе, отважное племя запорожских казаков, которое мужественно отстаивало православную веру, проклиная врагов православия (к которым, безусловно, относится и враг рода человеческого с его различными прислужниками более низкого уровня в демонической иерархии): «Эх народец! станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и — пустится! да ведь как пустится: ноги отплясывают, словно веретено в бабьих руках; что вихорь, дернет рукою по всем струнам бандуры, и тут же, подперши в боки, несется вприсядку; зальется песней – душа гуляет!». [2, с. 137].

Данный эпизод повести представляется значимым, потому что он отсылает к уже упомянутой ранее в статье имагологической максиме, афористически сформулированной А. С. Пушкиным — «народ поющий и пляшущий», так как именно эта установка воспринимается малороссийской ментальностью как первоначальная, родная, характеризующая весь украинский народ, который помнит легендарное время, когда по всей Малороссии странствовали и исполняли свою музыку бандуристы, славя и воспевая героев Малороссии.

Однако и здесь имеет место явный раскол, так как после веселого танца, песни и музыки запорожцев Фома Григорьевич с грустью констатирует: «Нет, прошло времячко: не увидеть больше запорожцев!» [2, с. 137]. Эта фраза воспринимается в данном контексте как констатация финала прекрасной эпохи, когда казаки еще могли дать достойный отпор врагам православной веры. Сейчас же и сами запорожцы не просто знают с нечистым, но и продают ему души, начиная осознанно жить «в унисон» с инфернальным.

Так, дед Фомы Григорьевича, встретив на своем пути запорожца, слышит от него признание: «Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому» [2, с. 138]. Казаки попадают в дьявольские сети, подпадают под влияние инфернальных сил.

Само пространство повести, по которому передвигается дед-казак, перестает обладать явной семантикой реального либо же инфернального, первое сливается с иномирным: «Реальное и потустороннее не отделены непреодолимыми границами; лес и речка, являющиеся границей, — явления природные; наделение их в народном сознании сакральными функциями пограничного пространства в гоголевской повести приобретает смысл объединения миров в целокупность онтологии» [6, с. 73]. Мир реальный и потусторонний сливаются воедино; но если Е. О. Третьяков в этом слиянии видит утверждение единства бытия, то нам представляется, что здесь имеет место начало того процесса, что впоследствии приведет к «гибели «вселенной» (Андрей Белый), т. е. распаду Всемира органичной народной жизни. Действительно, теперь, чтобы попасть в ад, герою повести достаточно лишь пройти по мосту через реку (традиционный прием в мифологии — переход в новое, потустороннее пространство), а не погибать в действительности.

Оказавшись в аду, дед сразу же наблюдает травестированный образ танца, который сопровождается музыкой: «Дрожь бы проняла крещеного человека при одном виде, как высоко скакало бесовское племя. Деда, несмотря на страх весь, смех напал, когда увидел, как черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек; а музыканты тузили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как в волторны» [2, с. 141]. Данный эпизод есть полная противоположность танца, песни и музыки запорожцев в начале повести, так как танец чертей — это лишь имитация танца, музыка же, которую исполняют инфернальные музыканты — это пародия на настоящую музыку, ибо у инфернальных музыкантов попросту отсутствуют музыкальные инструменты, про песни же и вовсе ничего не упоминается, так как, видимо, обитателям пекла не знакомы техники вокального исполнения либо же таковые находятся вне закона, так как очевидно, что пение ассоциируется с церковным хоровым пением, которое противно обитателям ада. Это странное действо во многом на-

поминает некую мнимую, дилетантскую симфонию, что может быть интерпретировано как скоморошество, надругательство, профанационное осквернение музыки и гармонии в целом.

Эта гипотеза во многом подтверждается тем, что автор выбирает довольно специфические с точки зрения православия музыкальные инструменты — бубны, как угодный лукавому музыкальный инструмент: «...в «Слове святых отец о посте» осуждаются «песни бесовские, плясание, бубни (бубны) и сопелки, козицы (волынка), игrania бесовские и злая дела»...» [3, с. 129], а также упоминается насмешливая и язвительная имитация игры на валторне: «Валторна относится к группе медных духовых инструментов. Она играет в оркестре очень важную роль. Звук ее мягкий, благородный. Валторна может хорошо передать и грустное, и торжественное настроение, может звучать и насмешливо, язвительно» [3, с. 293]. Кроме того, в данном контексте примечательным представляется само название музыкального инструмента «валторна» (нем. *лесной рог*): «Предком валторны был охотничий рог, в который трубили, когда нужно было подать сигнал во время охоты или какого-нибудь торжественного события, объявить сбор войска» [3, с. 293].

Так вкупе все действо чертей может быть рассмотрено как определенный воинский ритуал, направленный против человеческого рода: во многом языческий обряд подпрыгивания у костра, агрессивная и алогичная имитация музыки как попытка поднять боевой дух, демонстрация силы, запугивание врага.

Обнаруживается некоторое сходство с эпизодом из повести «Сорочинская ярмарка», где Солопий Черевик пытается имитировать игру на барабанах, однако это наивное и неосознанное действие Черевика все же с трудом коррелирует с осознанным и организованным действием нечистой силы в повести «Пропавшая грамота». Кроме того, возможно, музыка, направленная Черевиком против inferнальной силы, в «Пропавшей грамоте» оборачивается против самого человека, становясь мощным оружием в руках нечистой силы, так как музыка может звучать и во благо человека, и исполняться, очевидно, ему же во вред. Так в повести проводится незримая грань между музыкой гармоничной и inferнальной. Эта грань обуславливает амбивалентность финала повести.

И несмотря на то, что дед при помощи смекалки и крестного знамения все же вызволяет грамоту из ада и возвращается обратно домой без каких-либо происшествий, нечистая сила продолжает напоминать о себе, устраивая бесчинства в доме: «И, видно, уже в наказание, что не спохватился, тотчас после того, освятить хату, бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуются, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затевают свое, и вот, так и дергает пуститься в присядку» [2, с. 144].

Таким образом, несмотря на комический характер повествования, возможным представляется, что повесть «Пропавшая грамота» — это зримое подтверждение присутствия в мире «Вечеров на хуторе близ Диканьки» инфернального, признание того, что человек живет «в унисон» с нечестивым племенем со всеми вытекающими из этого последствиями, а сама номинация повести приобретает в этом случае принципиально важное значение — народ теряет «духовную грамотность», безрассудно подходит к исполнению народных табу. Данная «неграмотность» и попустительство еще неоднократно и более негативно начнет сказываться в сюжетах следующих повестей «Вечеров...».

Литература:

1. Брагина, Н. Н. Н. В. Гоголь: симфония прозы (опыт аналитического исследования). — Иваново: Типография «ПресСто», 2007. — 210 с.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. — М.: Наука, 2003. — 920 с.
3. Зубарева, Л. А., Власенко Л. Н. История развития музыки: учеб. пособие для студентов педвузов РФ. — 3-е изд. — Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРА», 2006. — 466 с.
4. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 576 с.
5. Савинова, А. Г. Синестезия как своеобразие миромоделирования и особенность стиля прозы Н. В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2010. — 30 с.
6. Третьяков, Е. О. Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н. В. Гоголя. — Томск: STT, 2015. — 354 с.
7. Шевырев, С. П. Об отечественной словесности. — М., 2004. — 304 с.
8. Янушкевич, А. С. История русской литературы первой трети XIX века: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2015. — 750 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Слияние готического и детективного мотивов в новелле М. Р. Джеймса «Два доктора»

Сергеева Алина Александровна, преподаватель

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний
России

В статье автор исследует слияние готических приемов и детективного сюжета на примере новеллы М. Р. Джеймса «Два доктора»

Ключевые слова: новелла, готическая новелла доктор, мотив, временная отдаленность, священник, показания

Новелла «Два доктора» является заключительной новеллой в последнем прижизненном сборнике М. Р. Джеймса «A Thin Ghost and Others». Текстуально мы сталкиваемся не с готической новеллой в ее традиционном понимании, а с неким набором информации, который, с помощью небольших авторских ремарок, рассказывает нам историю одного тайного происшествия. Подобный прием Джеймс использует и в открывающей сборник новелле «Резиденции в Вестминстере». Там это дневниковые записи и письма. В новелле «Два доктора» мы имеем случайно найденные в старом грессбухе документы юриста с пометкой «Самое необычное дело, с которым мне приходилось встречаться». Эта фраза является неким маркером детективного сюжета.

М. Р. Джеймс писал: «Пусть (писатель) представит нам действующих лиц в самой спокойной обстановке, за обычными занятиями» [1, с. 5], «Что же до истории о приведениях, тут желателен легкий флер временной отдаленности. «Тридцать лет назад...» или «Незадолго до войны...» — вот как нельзя более удачный зачин» [1, с. 5]. Именно этот прием здесь и использован: «...до войны у меня имелась привычка покупать по дешевке старые грессбухи, в которых всегда оставалось немало чистых листов прекрасной бумаги, вполне

пригодной для моих собственных нужд. Один такой мне довелось чуть ли не даром приобрести в 1911 г.» [7]. Объяснение концепции «дистанцированности» мы встречаем в философии Бёрка, к которой обращался последователь М. Р. Джеймс Ле Фаню. Бёрк «задается следующим вопросом: как может ужас вызывать восторг? И отвечает так: при условии, что он не подбирается слишком близко. Обратим внимание на это утверждение. Оно предполагает отстраненность от того, что вызывает страх, а значит, своего рода незаинтересованность по отношению к этому объекту» [2, с. 291]. В новелле «Два доктора» мы видим и временную отдаленность, свойственную готической новелле («до войны у меня имела привычка...») и «спокойную обстановку», о которой так же упоминает в своем эссе Джеймс (повествователь совсем не жаждет встречи с inferнальным, не стремится обладать тайным знанием или обрести сверхспособности, он покупает гротеск для весьма прозаичной цели — задешево получить пригодную для письма бумагу).

«Не мешает иногда оставить щелочку для естественного объяснения событий, но только такую крохотную, чтобы в нее невозможно было протиснуться» [1, с. 5]. В данном случае читателю нелегко найти как естественное, так и сверхъестественное объяснение происходящих в новелле событий. Джек Салливан писал: «Концовка новеллы «Два Доктора» совершенно не имеет смысла» [3]. Однако Джеймс повсюду оставляет своеобразные «ключи» к разгадке. «The dossier is not complete, but, such as it is, it furnishes a riddle in which the supernatural appears to play a part. You must see what you can make of it» [4, с. 459]. Джеймс затевает с читателем игру — материалы дела представлены не полностью, но в достаточном количестве для понимания. Рассказчик (или даже скорее «комментатор» или «реконструктор» событий) покупает гротеск, в который вложены некие свидетельские показания и вырезка из газетной статьи, которые на подобие паззла складываются в историю о двух докторов — докторе Абеле и докторе Куине. В конце истории доктор Куин был найден мертвым в своей постели, из медицинского заключения следует, что доктор «скончался по воле Божией». Никаких прямых доказательств того, что убийцей является доктор Абель, нет, но читателю его вина становится очевидна, так же, как и inferнальный характер преступления. Сам же рассказчик своих версий о происшедшем не выдвигает, облегчая задачу читателю лишь последовательным изложением свидетельских показаний и газетной статьи, которая поначалу кажется ему попавшей в папку с документами по ошибке. «Поразмыслив, я, сдается мне, понял, какое отношение имеет он к прочему» [7].

Игра Джеймса начинается с ироничной аллюзии, связанной с именами докторов. Имя Абель созвучно с библейским Авель, а Куин с именем Каин. Это подтверждается и сюжетом — злой и завистливый убивает доброго и порядочного, с одной лишь оговоркой — Джеймс меняет местами имена. В его истории

Абель (Авель) отрицательный персонаж, в то время как Куин (Каин) — положительный. Несмотря на то, что доктора не являются братьями, как в библейском сюжете, они конкурирующие (по мнению доктора Абеля) представители одной профессии. Хотя преподобный Джонатон Пратт однажды именует их братьями, причем, сам того не желая, превознося одного над другим: «Вы уж не сердчайте, но на вашем месте я послал бы к вашему собрату Куинну за какой-нибудь пилюлей для прочистки мозгов» [7] (в оригинальном варианте используется слово «brother»). «It is as if writing a ghost storey... (became) an intellectual game for James» [6] — резонно подмечает Джоши. Реакция Авеля сродни реакции настоящего Каина: «К черту Куинна! — взъярился мой собеседник. Слышать о нем не желаю! Только в этом месяце он переманил у меня четырех лучших пациентов. Наверняка его нынешний слуга Деннет, прежде работавший у меня, мелет обо мне всякий вздор. Его место у позорного столба, вот где! Скажу сразу, что то был единственный случай, когда доктор Абель открыто выразил неприязнь к своему коллеге и его слуге» [7]. Однако этого единственного откровенного заявления, разумеется, со множеством других деталей и улик, нам достаточно для обвинения доктора Абеля в убийстве своего собрата Куина. Отметим, что в самой новелле убийца так и не назван. Свою детективную игру с читателем Джеймс ведет до самого конца. Остается и традиционная «лазейка для рационального объяснения».

В деле отсутствуют показания доктора Абеля: ни в качестве свидетеля, ни в качестве обвиняемого он к делу не привлечен. Однако, Джеймс делает все, чтобы читатель не сомневался — убийца доктор Абель. В сильной позиции текста — в название новеллы — мы видим упоминание именно о двух докторов, значит, все значимые события будут происходить именно между ними. О крутом нраве Абеля мы узнаем в самом начале новеллы, из первых показаний его бывшего слуги Люка Деннета: «I said I wished to speak to him... I told him that, much against my will, I must look out for another place... And at that I told him, not seeing how I could keep it back, the matter of my former affidavit and of the bedstaff in the dispensing-room, and said that a house where such things happened was no place for me. At which he, looking very black upon me, said no more, but called me fool, and said he would pay what was owing me in the morning; and so, his horse being waiting, went out. So for that night I lodged with my sister's husband near Battle Bridge and came early next morning to my late master, who then made a great matter that I had not lain in his house and stopped a crown out of my wages owing» [4, с. 464]. Обратим внимание, что доктора Абеля, по непонятной причине, очень разозлило, что уволившийся слуга не ночевал в его доме, и от злости он даже удержал с него крону. Ознакомившись с дальнейшими событиями, логично предположить, что доктор Абель желал расправиться с Деннетом ночью, ведь тот слишком много знал и мог что-то разболтать. Из этого

можно делать вывод о его склонности к убийству. В более поздних показаний Деннета мы находим недвусмысленный намек доктора Абеля: «...one day when he passed me in the street and asked me whether I was not looking for another service, to which I answered I was very well suited where I was, but he said I was a tickle-minded fellow and he doubted not he should soon hear I was on the world again, which indeed proved true» [4, с. 468]. Доктор Абель будто предвещает смерть доктора Куина. Хотя, это заявление разумнее рассматривать как угрозу, не понятую на тот момент Даннетом. Этих немногих ремарок достаточно, чтобы не сомневаться в виновности Абеля. Остается выяснить мотив, которым очевидно являлась месть и ревность. Абелью казалось, что Куин ворует у него пациентов. Об этом он заявлял священнику. Из показаний слуги Деннета следует, что это было совсем не так: «My master, Dr. Quinn, was a very just, honest man, and no maker of mischief. I am sure he never stirred a finger nor said a word by way of inducement to a soul to make them leave going to Dr. Abell and come to him; nay, he would hardly be persuaded to attend them that came, until he was convinced that if he did not they would send into the town for a physician rather than do as they had hitherto done» [4, с. 461]. Его показания подтверждает и священник Пратт: «Dr. Q. to my eye a plain, honest believer, not inquiring over closely into points of belief, but squaring his practice to what lights he had», «Dr. Quinn, as I said, was a plain, honest creature, and a man to whom I would have gone—indeed I have before now gone to him for advice on matters of business. He was, however, every now and again, and particularly of late, not exempt from troublesome fancies» [4, с. 462]. В чем же причина ухода пациентов от доктора Абеля? Есть вероятность, что виной тому длинный язык его слуги, хоть он и пытается всячески оправдаться, противореча при этом сам себе «I never told tales of my master, Dr. Abell, to anybody in the neighbourhood. When I was in another service I remember to have spoken to my fellow-servants about the matter of the bedstaff, but I am sure I never said either I or he were the persons concerned, and it met with so little credit that I was affronted and thought best to keep it to myself» [4, с. 462]. Доктор Абель открыто высказывает это опасение в разговоре со священником. Очень вероятно, что они были небеспопеченны, учитывая нервный тон свидетельских показаний и то, с каким рвением старался обелить себя Даннет.

Джек Салливан пишет: «one doctor uses an unexplained supernatural device to do in another» [3]. Джеймс не дает нам прямого пути к пониманию способа убийства, однако, не изменяя своим традициям, оставляет множество «скрытых улик». Преподобный Джонатан Пратт характеризует доктора Абеля таким образом: «The other interested himself in questions to which Providence, as I hold, designs no answer to be given us in this state: he would ask me, for example, what place I believed those beings now to hold in the scheme of creation which by some are thought neither to have stood fast when the rebel angels fell, nor

to have joined with them to the full pitch of their transgression». В их разговоре доктор Абель упоминает о существовании неких потусторонних существ, которых считает вполне реальными и «зримыми» («why Milton should take upon himself to say 'unseen'») и очень болезненно реагирует на скепсис священника. Тот факт, что в своих размышлениях Абель ссылается на некоторые источники и строчки из писания, дает нам возможность предположить, что он основательно изучает оккультные науки. При этом он посещает церковь и не пренебрегает дружескими беседами со священником. В свете последующих событий резонно предположить, что делается это лишь для того, чтобы сохранить доброе имя перед пациентами. В процессе одной беседы, священник, невольно выводя оппонента на откровенность, узнает о его способности передвигать предметы «He was sitting by the fire—it was a cold evening—and stretched out his hand that way, and just then the fire-irons, or at least the poker, fell over towards him with a great clatter, and I did not hear what else he said» [4, с. 459]. Неживые объекты довольно часто фигурируют в новеллах М. Р. Джеймса в качестве сюжетообразующих элементов. Молитвенники открываются на нужной странице («Загадочный молитвенник»), замки сами падают с саркофага («Граф Магнус»), куклы живут своей жизнью («Драма в кукольном домике») и множество других примеров. В новелле из первого сборника «Ты свистни...» постельное белье уже выступало в качестве inferнального действующего лица.

Из показаний Данета мы узнаем, что доктор Абель бывал в доме Куина в его отсутствие, посетил его кабинет, прачечную и спальню. После этого визита доктора начали мучить кошмары «It was to this effect, that he seemed to himself to wake under an extreme compulsion to rise and go out of doors. So he would dress himself and go down to his garden door. By the door there stood a spade which he must take, and go out into the garden, and at a particular place in the shrubbery somewhat clear and upon which the moon shone, for there was always in his dream a full moon, he would feel himself forced to dig. And after some time the spade would uncover something light-coloured, which he would perceive to be a stuff, linen or woollen, and this he must clear with his hands. It was always the same: of the size of a man and shaped like the chrysalis of a moth, with the folds showing a promise of an opening at one end. He could not describe how gladly he would have left all at this stage and run to the house, but he must not escape so easily. So with many groans, and knowing only too well what to expect, he parted these folds of stuff, or, as it sometimes seemed to be, membrane, and disclosed a head covered with a smooth pink skin, which breaking as the creature stirred, showed him his own face in a state of death». Доктор предполагал, что виной всему крайне неудобное постельное белье «He said he must buy some to suit him, and should do his own marketing. And accordingly brought home a parcel which he said was of the right quality, but where he bought it we had then no knowledge, only they were marked in

thread with a coronet and a bird. The women said they were of a sort not commonly met with and very fine, and my master said they were the comfortablest he ever used, and he slept now both soft and deep. Also the feather pillows were the best sorted and his head would sink into them as if they were a cloud: which I have myself remarked several times when I came to wake him of a morning, his face being almost hid by the pillow closing over it» [4, с. 459]. В конце новеллы из приложенной газетной статьи мы узнаем о краже из мавзолея некоего благородного семейства. Важно, что «the outrage was not that of an ordinary resurrection man». Иными словами, украден не труп, как следовало бы ожидать. К тому же в статье говорится именно «stolen goods». На постельном белье была вышита птичка и корона — символы знати. Таким образом паззл складывается и мы получаем картину произошедших событий. Целью проникновения Абея в дом доктора Куина было сделать так, чтобы он захотел поменять своё постельное белье. Было это сделано с помощью заклинания или каким-то механическим способом читателю остается неизвестно, но замысел полностью удался. Из мавзолея украдены постельные принадлежности: мягкая, как облако подушка, на которой ранее покоилась голова мертвеца и одеяло, бывшее чьим-то саваном. Загадкой остается как вышло так, что доктор Куин купил именно этот заколдованный комплект белья. В тексте нет никаких зацепок для ответа на этот вопрос. Тем не менее, учитывая тот факт, что история складывается из разрозненных листков, найденных в старом гробу, автор легко может оставить некоторые моменты затуманенными (часть бумаг могла попросту потеряться).

В кошмарном сне доктора Куина мы находим параллели с событиями, произошедшими позднее. Во сне доктор Куин сам берет лопату и копает могилу, в реальности же он, в фигуральном смысле, делает то же самое, самостоятельно покупая постельные принадлежности, украденные из мавзолея. Ткань вокруг куколки из сна плотно обернута — таким же образом доктор оказывается лишен воздуха, будучи укутанным в постельное белье. Он видит свое мертвое лицо и это предзнаменует его скорую кончину. Когда доктор просыпается, ему трудно дышать; — причина его смерти — удушение. Сон предвосхищает развитие сюжета и мыслится некой подсказкой читателям в понимание загадочной смерти доктора Куина.

Доктор Куин был найден мертвым в своей постели, в позе абсолютного спокойствия, руки сложены, как у покойников, простыни плотно обернуты вокруг него, а голова глубоко утонула в мягкой подушке.

В целом новелла представляет собой подобие мистического детектива и не несет в себе какого-то поучительного смысла, как часто бывает у Джеймса. Сам же он говорил: «The stories are meant to please and amuse us. If they do, well; but, if not, let us relegate them to the top shelf and say no more about it» [5].

Литература:

1. М. Р. Джеймс. Из предисловия к сборнику «Призраки и чудеса: Избранные рассказы ужасов. От Даниеля Дефо до Элджернона, Клуб Привидений, СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2017.
2. История красоты под редакцией Умберто Эко, М.: Слово, 2019.
3. Sullivan, Jack *Elegant Nightmares: The English Ghost Story from Le Fanu to Blackwood*, Ohio:University Press, 1978.
4. James, M. R. *The Collected Ghost Stories of M. R. James*. London: Edward Arnold, 1931.
5. James, M. R. *Casting the Runes and Other Ghost Stories* Ed. Michael Cox. London: Edward Arnold, 1931.
6. Joshi, S. T. *The Weird Tale*. Athens: University of Texas Press, 1990.
7. М. Р. Джеймс Два доктора // e-libra.ru. URL: <https://e-libra.ru/read/440682-dva-doktora.html> (дата обращения: 25.03.2020).

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Компаративный анализ средств выражения отказа в русском и английском языках (на материале современной прозы)

Замышляева Диана Николаевна, студент магистратуры
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье автор пытается выявить сходства и различия в формировании высказываний, выражающих отказ в русской и английской лингвокультурах.

Ключевые слова: выражение отказа, английская коммуникация, русская коммуникация, лингвокультура.

Отказ — речевой акт, который существует во всех языках и используется в повседневной жизни. В лингвистической науке под отказом понимается «акт неприятия интенции адресата, который выражает смысл отрицательной реакции на искомые цели адресанта, такие как запросы, приглашения, предложения» [3].

Отказ от коммуникации представляет собой сложный многоуровневый процесс. В зависимости от поставленной коммуникативной цели и наличия экстралингвистических факторов, существует несколько видов отказа, стратегий и тактик для его реализации. Более того, отказ может выражаться как вербальным, так и невербальным путем.

Сопоставление отдельных коммуникативных категорий в лингвокультурологическом аспекте позволяет изучающим английский или русский языки учитывать не только лексические и грамматические конструкции, но и особенности речевой этики анализируемых лингвокультур.

Выражение отказа в английском языке чаще всего характеризуется высокой степенью вежливости, которая рассматривается в качестве стратегического предотвращения конфликтов и способа кооперативного построения диалога. Отказ выражается имплицитно через формулы благодарности, извинения и оправдания, за которыми сразу следует предложение совершить действие в другое время. Мужчины в общении с женщинами чаще извиняются и оправдываются за свой отказ, к тому же, всю вину за несостоявшееся действие берут на себя. В выражении отказа проявляется и культурная ориентация англоязычного общества на личность.

Русский язык, как и английский, характеризуется высокой степенью вежливости. Это объясняется тем, что русский язык богат различными устойчивыми формулами при выражении отказа и разнообразными актуализаторами вежливости. В большинстве случаев за выражением отказа следует его аргументация. Русская культура характеризуется наличием социальной иерархии, которая отражается и в языке. В русской речевой культуре принимается лишь форма общения детей с родителями на *ты* — «близкое» к родителям. Это обусловлено тем, что горизонтальная дистанция между собеседниками в русской коммуникации короче и степень близости выше, поэтому нет необходимости с такой же степенью интенсивности использовать стратегии, минимизирующие побуждение, как это делают английские коммуниканты. Кроме того, вертикальная дистанция в русском общении выше, чем в английском, говорящий во многих ситуациях имеет достаточно власти и прав для того, чтобы давать приказы или обращаться с просьбой, и его действия воспринимаются слушающим как должное. Английская коммуникация характеризуется выраженной минимизацией коммуникативного давления на собеседника. В связи с этим английское выражение отказа «насыщено» различными лексико-синтаксическими интенсификаторами (23,3 %) и модальными модификаторами (18,4 %), позволяющими адресанту снизить прямолинейность своего высказывания и субъективировать мнение и оценку, например:

- *'You should go. He's offered me tickets. This will be really good. Take your mother'*
- *'I don't think so'* [8].

В русской коммуникации такая особенность речевого общения не обнаружена.

Имелись случаи использования в выражении отказа сленговых выражений как английскими, так и русскими коммуникантами. Однако в английской коммуникации такого рода акты отказы характеризовались высокой степенью экспрессивностью или грубостью, так как расценивались как «угроза нанесения ущерба лицу» (5,8 %):

- *'Getting a bit of a shag, old girl?' said Jeremy.*
- *'It's none of your business,' I said hoity-toity'* [5].

В русской коммуникации жаргон имеет высокий уровень экспрессивности и постоянно изменчив, он противостоит нормированному языку (12,3 %). Язык женщин несколько «огрубел», стал более техничным и жестким. Женщины не хотят ни в чем уступать мужскому полу, поэтому в их речи наблюдается употребление лексических единиц, не свойственных им: речь часто специально огрублена, в ней проскальзывает иногда даже больше жаргонизмов и ненормативной лексики, чем у мужчин их возраста, например:

— «Девоньки! — Витя двумя руками обнял Ладу и Ларчика. — Поехали в клуб! Хочется подвигаться!»

— «Да пошел ты знаешь куда! — заорала Лада» [2].

На грамматическом уровне в английской коммуникации наиболее популярной является форма отказа, выраженного через модальный (45,8 %) и вспомогательный глагол (24,7 %), а также через сослагательное наклонение (22,3 %) и пассивный залог (7,05 %). Сослагательное наклонение глагола выражает предположительность и гипотетичность со стороны адресанта, которые отсутствуют в повелительном наклонении и тем самым снижают прямолинейность высказывания. Форма отказа, выраженная при помощи глагола в сослагательном наклонении, представляет адресату большую возможность выбора и позволяет адресанту достаточно «мягко» уйти от предложенного действия:

— *'I thought maybe I could stay here? Just tonight? And then you could tell me some more stuff about him?'*

— *'Stay here? It's impossible. You'd better go home'* [7].

Выражение отказа через пассивный залог носит достаточно безличный характер и, соответственно, менее ликоущемляющий. В ходе анализа наиболее частотными были определены случаи выражения отказа в форме пассивного залога в коммуникативной модели «потребитель — представитель организации»:

— *'Can you hold it for me?' The girl looks dubious.*

— *'For how long?'*

— *'Until tomorrow?' I say desperately. Oh God.*

— *'We're not supposed to reserve sale stock', she said* [6].

В общении между русскими коммуникантами на грамматическом уровне при выражении отказа наиболее популярной является модально-грамматическая конструкция предикат + инфинитив (40,2 %). Тем самым коммуниканты подчеркивают семантику необходимости отказа от общения. Выражая отказ через глаголы *быть/хотеть*, коммуниканты высказывают свое личное отношение к предлагаемому действию или событию (35 %). Кроме того, зачастую конструкция *быть/хотеть* + инфинитив функционирует в аргументации причины отказа:

— «Подожди, у меня дело к тебе!»

— «*Не хочу, не надо*, Егор. До свидания, Максим Викторович» [4].

Выражение отказа в сослагательном (13,4 %) и в повелительном (11,3 %) наклонении также были замечены в русской коммуникации:

— «Я потому и пришел. То есть сначала я ждал. Думал, вдруг это вернется. Долго ждал, а потом решил прийти. Ты ведь поможешь мне, Седой? Только ты можешь его починить». Седой спохватывается, что попался в ловушку. Скорчив недовольную гримасу, он смотрит на часы: **«Я бы рад помочь, но боюсь, нет времени. Скоро вернутся наши. Отложим до другого раза»** [1].

Таким образом, предпринятый компаративный анализ средств выражения отказа в русском и английском языках способствует более полному представлению о национальной картине мира сопоставляемых лингвокультур, закрепленной в языковом дискурсе.

Литература:

1. Петросян, М. Дом, в котором... — М.: Гаятри/Livebook, 2017.
2. Робски, О. Casual. — М.: АСТ, 2010.
3. Симонова, С. О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе. — Тамбов, 2011.
4. Устинова, Т. Шекспир мне друг, но истина дороже. — М.: ЭКСМО, 2015.
5. Fielding, H. Bridget Jones's Diary. — London: Macmillan, 2010.
6. Kinsella, S. Confessions of Shopaholics. — London: Black Swan, 2011.
7. Moyes, J. After You. — London: Penguin Books, 2016.
8. Moyes, J. Me Before You. — London: Penguin Books, 2014.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

«ВКонтакте» vs YouTube. Особенности социальных медиа

Мариева Екатерина Александровна, студент
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород)

В работе рассмотрены социальная сеть ВКонтакте и видеохостинг YouTube. На основе их анализа выявлены ключевые особенности социальных медиа в контексте традиционных СМИ. Приведены аргументы, доказывающие необходимость перехода традиционных СМИ в новые медиа.

Ключевые слова: медиаканал, медиаплощадка, медианоситель, пользователь, социальная сеть, возможность выбора, СМИ, YouTube, ВКонтакте.

Интернет-коммуникация — революционная форма коммуникативного воздействия. Почему? Потому что технологическое развитие медиапространства в интернете приводит к тому, что принципы массовой коммуникации находятся в «стадии постоянного изменения». Это происходит потому, что возникает новый тип коммуникативных каналов. А они, в свою очередь, имеют ряд преимуществ перед существующими аналогами.

Указанные выше медиаканалы являются часто посещаемыми в России. К тому же они занимают первые строки в мировом интернет — сообществе, что говорит об их технологическом и функциональном превосходстве. Здесь важно отметить, что данная ситуация недостаточно изучена в силу соотношения новых каналов и СМИ. Медиа сформировались совсем недавно, поэтому никакой законодательной составляющей у данного вопроса нет.

Все началось с того, что социальная сеть ВКонтакте и каналы на YouTube имели небольшой охват и состояли из любительских работ. Часто информаци-

онным наполнением занимался только один человек. Со временем медиаканалы увеличили охват, который был похож на традиционные СМИ. К списку добавились высокая периодичность публикаций, рубрикация новостей. На этом медиаканалы не остановились. Они «перетянули» к себе штаб редакторов, операторов, режиссеров и всех тех, кто имел опыт работы в традиционных СМИ.

Социальные медиа признаны передовыми специалистами медиаиндустрии. Речь идет о том, что большинство крупных традиционных СМИ создают свои аккаунты, тем самым развиваясь в направлении социальных медиа. Вот почему «Первый» и «Россия» имеют свои страницы на YouTube и ВКонтакте.

При этом данные медиаплощадки не нарушают юридически закрепленный закон Российской Федерации о средствах массовой информации. Поэтому такие медиа имеют коммуникативный потенциал. Их можно рассматривать в разрезе медианосителей, обладающих нужным функционалом.

Быстрое развитие медиаплощадок привело даже к возникновению нового термина «социальные медиа». Акцент идет на общественный, равноправный характер коммуникации в рамках указанных каналов. Одним из первых стал Брайфн Солис, который в 2007 году дал определение данному понятию. По его словам, социальные медиа — способ, при помощи которого люди обнаруживают, читают и комментируют новости, информацию и содержание.

Вернемся к медиаканалам. Что их отличает от традиционных средств массовой информации? Прежде всего акцент делается на чувства тех, кто принадлежит к определенному сообществу. Это проявляется в том, что адресанты информации теперь сегментируют процесс подачи сведений, ориентируясь на аудиторию. Иными словами медиаплощадки, которые раньше имели межличностную форму коммуникации, пришли к тому, что объединили большую группу людей по интересам. Ряд пользователей получил доступ к массиву информации и возможность выбора интересующих их сведений с помощью поисковых систем. В итоге размылась иерархия между автором и читателем. А это сильно отличает новые медиа от традиционных СМИ.

Так, например, видеохостинг YouTube предоставляет возможность выбора по ряду критериев. Это касается не только разделов «ключевые слова», «название», «тематика», но и дополнительных параметров: разрешение на видео, его тип и длительность. Теперь пользователь имеет возможность создать так называемую свою «эфирную сетку». То есть выбрать передачи, перематывать либо выключать ролик раньше времени, если он ему не понравился. Если раньше люди смотрели то, что им «предлагали», то сегодня они могут выбрать сюжет себе по душе. Могут даже ускорить его в несколько раз, чтобы быстрее прослушать, допустим, новостной сюжет. Все для пользователя, как говорится.

Ко всему прочему видеохостинг YouTube предоставляет возможность в видео выбрать, кто будет продолжать повествование. Речь идет о видеоро-

лике с интерактивным сюжетом. Еще можно управлять панорамными видео, выбирая картинку, просмотр которой кажется наиболее выгодным. Это позволяет стать участником происходящего. Стоит отметить, что такая тенденция появилась совсем недавно. Раньше такие характеристики были только у компьютерных игр, СМИ это было недоступно.

От чего зависит, посмотрят ли ролик? От названия, описания видео, тегов и обложки. Так, например, восемь из десяти опрошенных пришли к выводу, что от названия и картинки зависит, посмотрят они видео или нет. А четыре из десяти читают описание ролика перед тем, как его увидеть. Соответственно, видеоролик является не единственной отправительской частью сообщения. Без перечисленных выше элементов нельзя создать полноценный фрагмент единого информационного комплекса. То есть одного ролика недостаточно. Здесь важно понимать, что совокупность этих компонентов может восприниматься как единый комплекс, но иногда бывает, что несущественные детали оказываются решающими при выборе видео пользователем.

Что касается социальной сети ВКонтакте, то ярким примером будут интерактивные элементы. Допустим, репосты. Встроенная ссылка позволяет новому получателю открыть полную версию. Обычно пять % сообщений, которые мы видели, имеют ссылку на оригинал.

К слову говоря, такая технологическая доступность ВКонтакте и YouTube привела к появлению «журналистов-любителей». Они получили возможность воздействовать на аудиторию, публикуя не всегда верный контент. А количество таких подписчиков порой превышает миллионы.

Таким образом, на сегодняшний день темпы развития информационных технологий приводят к изменениям в рамках коммуникативного процесса. Традиционные СМИ либо умирают, либо начинают переходить в новые медиа. Это происходит потому, что у современного пользователя появился ряд преимуществ. Он теперь имеет возможность не только выбора собственной «эфирной сетки», но и влияния на бесконечный поток информации. Теперь пользователь определяет, какой медиаконтент ему интересен.

Литература:

1. Круглов, А. С. Социальные медиа и аудиовизуальные СМИ: к постановке проблемы // Актуальные проблемы телевидения и радиовещания. — Воронеж: Воронежский Государственный Университет, 2017. — с. 99–114.
2. Градюшко, А. А. Социальные медиа как инструмент современной интернет-журналистики // Вестник БДУ-Минск: БДУ, 2012. — с. 69–73.

К вопросу о языковой специфике периодических изданий по фармации

Семенова Алина Ивановна, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В статье на примере журналов «Фармация» и «Аптекарь» рассматриваются стилевые и языковые особенности современных периодических изданий по фармации. Делаются выводы о том, что языковые и стилевые формы публикуемых материалов зависят от целей и задач издания, потребительских запросов, на которые ориентируется маркетинговая стратегия издателей. Так, если профессиональная научная периодика по фармации подчинена строго научному стилю, изобилует медико-фармацевтической терминологией и терминами смежных наук, то публикации в журналах и газетах нишевого типа соединяют черты научного и публицистического стилей, что вполне оправдано потребностями целевой аудитории, большую часть которой составляют работники аптек («работники первого стола») и аптечного бизнеса.

Ключевые слова: профессиональные периодические издания, фармация, журнал «Фармация», журнал «Аптекарь», медико-фармацевтическая терминология, научный стиль, научно-публицистический стиль.

Профессиональные периодические издания являются важным информационным ресурсом в процессе развития всех сфер деятельности человека и общества. К приоритетным социальным функциям профессиональной периодики можно отнести: ознакомление специалистов с последними достижениями в области профессиональной науки и практики; повышение их уровня знаний, квалификации, самообразования; обнародование научных идей, гипотез, открытий; участие в процессе закрепления авторства на интеллектуальную собственность.

Каждая отрасль науки и техники обслуживается специализированными издательскими продуктами. Как правило, это журналы (научные, научно-практические, научно-популярные) и газеты.

Специфику профессиональной периодики определяют тематика публикаций, соответствующая целям и задачам издания, а также стилистические и языковые особенности публикуемых материалов и текстов.

В данной статье на примере журналов «Фармация» и «Аптекарь» мы рассмотрим наиболее яркие языковые особенности, характерные для периодических изданий по фармации. Актуальность обращения к данной теме обусловлена ее

малоизученностью, несмотря на то, что периодика по фармации — важная составляющая современной профессиональной коммуникации.

В качестве предварительного замечания отметим: издания по фармации представляют собой разновидность медицинской периодической печати [3, т. 14]. Вопросы научных знаний и практической деятельности добывания, обработки, изготовления, хранения и отпуска лекарственных средств сегодня находят отражение как 1) в отраслевых фармацевтических изданиях, ограничивающихся исключительно освещением тем фармации и предназначенных теоретикам, практикам, работникам, обслуживающим данную отрасль («Аптекарь», «Разработка и регистрация лекарственных средств», «Фармацевтическая промышленность», «Фармацевтический вестник», «Фармация и фармакология», «Фармация», «Химико-фармацевтический журнал» и т. д. [4]), так и 2) в медицинских многопрофильных журналах («Антибиотики и химиотерапия», «Качественная клиническая практика», «Биофармацевтический журнал», «Вестник Росздравнадзора», «Вопросы биологической, медицинской и фармацевтической химии», «Проблемы стандартизации в здравоохранении» и т. д. [Там же]).

Тематику, стиль и языковые особенности публикаций в этих журнала определяет в первую очередь отнесенность издания к типу научной (научно-практической), научно-публицистической или научно-популярной литературы.

Так, журнал «Фармация» позиционируется как научно-практический и публикует результаты исследований по направлениям современной фармации. Портфель журнала составляют статьи, соответствующие направлениям «Медицина и здравоохранение», «Биофармация». Учредителями являются Министерство Здравоохранения РФ, ПМГМУ им. И. М. Сеченова и Российский центр фармацевтической и медико-технической информации. Журнал включен в перечень ВАК, представлен в международных реферативных базах, что является показателем высокого статуса издания в профессиональном рейтинге. Стиль публикаций строго соответствует научному. Все публикуемые тексты характеризуются логичностью и стандартизированной структурированностью, многочисленностью медицинских и фармацевтических терминов.

В качестве примера приведем отрывки из опубликованных в журнале текстов:

«Производные этаноламина как нейропротекторные средства развивают свои эффекты постепенно, при введении их в течение недель или даже месяцев. В сравнении с существующими нейропротекторными и ноотропными средствами производные этаноламина демонстрируют не меньшую эффективность, показывая при этом высокий профиль безопасности. Возможными областями применения данных соединений могут быть заболевания ЦНС, характеризующиеся дегенеративными, травматическими или сосудистыми повреждениями,

состояния, сопровождающиеся гипоксией и/или снижением физической работоспособности, а также когнитивными нарушениями» [5, с. 48].

«Лекарственные средства в форме таблетки тонут в желудочном соке, некомфортны при глотании, оказывают местное раздражающее и ульцерогенное действие на стенку желудка в области привратника. Прием таблеток внутрь при вертикальном расположении туловища ведет к тому, что, попав в полость желудка, таблетки падают вниз и остаются лежать на поверхности слизистой оболочки привратника. В месте контакта со стенкой пищеварительной системы таблетки в процессе распада и растворения способны стать причиной формирования жидкой среды с высокой осмотической активностью, способной оказывать выраженное обезвоживающее действие на клетки слизистых оболочек» [6, с. 52].

Как видим, своеобразие лексического наполнения текстов является одной из ярких черт, отличающих профессиональные журнальные публикации по фармации. Во-первых, это касается консерватизма и однозначности медицинской и фармацевтической терминологии и профессиональных речевых клише (см., например: Алфавитные указатели по здравоохранению, в которых приводятся (с указанием номера ГОСТа или стандарта СЭВ) стандартизованные медицинские термины, Реестр лекарственных средств России). Во-вторых, фармацевтическую науку невозможно отделить от смежных научных отраслей и направлений. Вследствие этого в процедуре описания научных опытов, идей, открытий в области фармации не обойтись без терминов других наук (биологии, химии, физики, микробиологии, генетики и др.). Так, в приведенных текстах присутствует 1) узкоспециальные фармацевтические термины (*лекарственные средства; таблетки; нейропротекторные и ноотропные средства* и т. п.), 2) медицинские (*заболевания ЦНС; дегенеративные, травматические, сосудистые повреждения; гипоксия; желудочный сок* и т. п.), 3) физико-химические (*производные этаноламина, процесс распада и растворения* и т. д.). Такая контаминация отражает междисциплинарные связи, процесс интеграция научных знаний в области современной фармацевтической науки.

Другую нишу в информационном обеспечении фармацевтической сферы занимают издания, выполняющие не только научно-информационные и коммуникативные функции, но и социально-организационные и культурно-релаксационные. Например, издания типа «Аптекарь» (ежемесячный женский профессиональный глянцевоый журнал), «Первостольник» (ежемесячная газета для работников аптек) публикуют информацию о запатентованных лекарственных средствах, положительно зарекомендовавших себя способах лечения заболеваний, а также имеют рубрики развлекательного характера. Они рассчитаны на более широкий круг читателей: работников аптек, специалистов фармацевтического бизнеса и т. п.

С точки зрения стиля такие издания совмещают в себе черты научного и публицистического. Приведем как пример начало текста «Внимание! ОРВИ начинаются!» (автор Т. Долгова) из журнала «Аптекарь»: *«Простуда и ОРВИ обычно ассоциируются с ненастной осенью или морозной зимой. Но в этом году во многих регионах нашей страны лето получилось холодным или дождливым, и «простудный сезон» начался раньше обычного. А вместе с этим начал расти спрос на противопростудные препараты. Что же посоветовать посетителям, которые интересуются средствами для лечения и профилактики ОРВИ? <... > Даже если встречи с вирусами избежать не удалось, человеческий организм вполне способен подавить возбудителей инфекции еще до того, как они успеют размножиться. Но это возможно, если активно работает иммунная система, в т. ч. местный иммунитет верхних дыхательных путей. Чтобы укрепить естественную защиту организма, можно использовать безрецептурные иммуномодуляторы и препараты на основе растений-адаптогенов» [1].*

Публицистический стиль (для которого, как известно, характерны коммуникативная общезначимость, оценочная семантика языковых средств, экспрессивность и информативность стандартизованных единиц [7, с. 14]) предоставляет журналу возможность не только информировать читателей, но и воздействовать на них, используя лексику, фразеологию, речевые клише с коннотативной семантикой (*ненастная осень; простудный сезон; встречи с вирусами избежать не удалось* и т. п.), побудительные и вопросительные синтаксические конструкции («Внимание!», «Что же посоветовать...?» и т. п.), сделать текст более доступным и «легким» для понимания читателем.

Элементы научного стиля проявляются в виде тематической составляющей (*безрецептурные противопростудные препараты*), многочисленности медико-фармацевтической терминологии (*ОРВИ; вирус; возбудители инфекции; иммунная система; безрецептурные иммуномодуляторы; препараты на основе растений-адаптогенов* и т. п.).

С композиционной точки зрения в тексте выстроена логическая схема «проблема — возможные пути ее решения». При этом информация о проблеме передана в публицистическом стиле, а способы решения преимущественно — в научном. Что вполне соответствует задачам публикации: привлечь внимание широкой аудитории специалистов к проблеме и дать профессиональные советы о способах ее решения.

Соединяя элементы разных стилей, издания подобного типа создают особые жанровые формы, наиболее подходящие для адресатов, учитывают их потребность в специфической информации и интересы, что повышает популярность периодики такого типа среди читателей. Немаловажным является и то, что для максимального адаптирования таких изданий под современного потребителя активно используются интернет-платформы трансляции контента.

Таким образом, стилевые и языковые особенности периодических изданий по фармации зависимы от целей издания, потребностей потенциальной аудитории. Если профессиональная научная периодика подчинена строго научному стилю, изобилует терминами фармации и смежных наук, то публикации в журналах и газетах нишевого типа соединяют черты научного и публицистического стилей, что вполне оправдано потребностями целевой аудитории, большую часть которой составляют работники аптек («работники первого стола») и аптечного бизнеса. Именно потребительские запросы и возможности читателя формируют маркетинговую стратегию подобных изданий [2, с. 19], содержательные модели, визуальные и языковые формы подачи публикуемых материалов.

Литература:

1. Долгова, Т. Внимание! ОРВИ начинаются! // Аптекарь. — 2019. — № 08 (175) (август). URL: <https://aptekarjournal.ru/archive/2019/245/7887.html> (дата обращения: 15.01.2020).
2. Зверева, Е. А. Современные российские журналы: теория и практика функционирования: автореферат дис.... доктора филол. наук. — Воронеж, 2017.
3. Медицинская периодическая печать // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Петровский. Изд. 3-е. В 30 т. — М.: Сов. энциклопедия, 1974–1989. URL: https://бмэ.орг/index.php/МЕДИЦИНСКАЯ_ПЕРИОДИЧЕСКАЯ_ПЕЧАТЬ (дата обращения: 15.01.2020).
4. Официальный каталог Почты России «Подписные издания». Каталог «Медицина». URL: <https://www.akc.ru/theme/medicina/> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Сысоев, Ю. И., Титович И. А., Оковитый С. В., Лалаев Б. Ю., Болотова В. Ц., Кимаев А. Н., Загладкина Е. В. Производные этаноламина как нейропротекторные средства // Фармация. — 2019. — № 68 (1). — с. 48–55.
6. Ураков, А. Л., Николенко В. Н., Решетников А. П., Уракова Н. А., Копылов М. В., Николенко С. Н. Физико-химические характеристики таблеток: факторы местного раздражающего действия // Фармация. — 2019. — № 68 (8). — с. 52–56.
7. Язык и стиль СМИ: учеб. пособие / сост. к. И. Шарафадина. — СПб.: СПбГУП, 2016.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал
№ 1 (13) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU,
на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 05.05.2020. Дата выхода в свет: 10.05.2020.
Формат 60 × 90/16. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.